

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО

ЭФФЕКТ ИСКАЖЕНИЯ

Диана Донатовна Удовиченко
Эффект искажения
Серия «Эффект...», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826175

Удовиченко Д. Д. Эффект искажения: Альфа-книга; Москва; 2011

ISBN 978-5-9922-0931-0

Аннотация

Этот город – приют для преступников, контрабандистов и торговцев живым товаром. Его узкие улочки, всегда подернутые густым туманом, темные дворы и трущобы словно созданы для того, чтобы в них пряталась нежить. Так стоит ли удивляться ее появлению? Не выходи из дома после заката. Ведь голодных тварей в тумане много, а охотник всего один...

Содержание

Глава 1	15
Глава 2	64
Глава 3	124
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Диана Удовиченко

Эффект искажения

Благодарю за консультации: по биологии – писателя Галину Ли, по криминалистике – писателя Зинаиду Тагильцеву, по оружию – читателя Евгения Бондаря, по сыскным вопросам – читателя Сергея Михеева, по истории – читателя Александра Тишкова.

Отдельная благодарность моему редактору Виктору Ереминцу за бесценные советы и любимому писателю Екатерине Лесиной за уроки детективного мастерства и стилистики.

Также большое спасибо писателю Алине Илларионовой за дружескую поддержку и неослабевающий интерес к этой книге.

Автор

Из истории рода делла Торре

Милан, год 1180 от Рождества Христова

Подеста Милана граф Амедео делла Торре чувствовал, что умирает. Болезнь мучительно долго истязала его иссохшее тело, в котором уже не осталось ни сил, ни воли к жизни. Не помогали ни растирания настойкою аспидов, ни мессы об исцелении, ежечасно возносимые фра¹ Никколо, ни утренние кровопускания, назначенные придворным физи-

¹ Фра – обращение к священнослужителю (ит.).

ком² мессэре Чиприано Ротокко. Днем и ночью его светлость терзали боли в животе. Лишь иногда они затихали, и несчастный забывался беспокойным, поверхностным сном. Усиливаясь, боль заставляла графа извиваться на ложе и истошно кричать тонким прерывающимся голосом, из которого страдания изгнали все человеческое.

За окном цвела весна. Под свежим ветром шелестели каштаны в дворцовом парке, впитывая солнечные лучи, выпускались цикламены, благоухали гиацинты, смеялись резвившиеся на лужайках дети и племянники Амедео. В покоях графа чадили свечи, царили духота, полумрак, витали запахи испражнений и нездорового тела – мессэре Чиприано распорядился держать ставни наглухо закрытыми, дабы движение воздуха и солнечный свет не повредили больному. Прикрыв глаза, Амедео полулежал на груди подушек – таким образом врач, сторонник гуморальной медицины, добивался того, чтобы флегма³ отливала от легких и сердца, не смешиваясь с остальными тремя соками организма. Страдальчески запрокинутое, осунувшееся лицо желтизной соперничало с камизой⁴, пропитанной шафраном для убиения болезни. По предписанию физика прислуга каждое утро после кровопускания переодевала Амедео в свежую, смоченную драгоцен-

² Ф и з и к – так в средневековой Европе называли врачей.

³ Ф л е г м а – согласно средневековой медицине, одна из жидкостей человеческого тела.

⁴ К а м и з а – нижняя рубаха-туника.

ным составом рубаху, избавляя таким образом от грязи и пота, вызванных недугом. Мессэре Чиприано настрого запретил смывать пот с тела графа, сказав: «Медицинская наука гласит, что вода расширяет поры, в которые может проникнуть новая болезнь».

Граф тихо постанывал – рези в животе немного отпустили. Вокруг суетились слуги, готовя Амедео к новому кровопусканию. Пришел толстый неопрятный цирюльник с хирургическим инструментом, молоденькая рабыня принесла серебряный – для очищения «грязной» крови больного – таз. Ждали мессэре Чиприано, физик задерживался у придворного астролога, с которым всегда согласовывал проведение лечения в зависимости от стояния небесных светил.

В дверь проскользнула старая дурочка Челестина, любимица графа, в лучшие дни частенько развлекавшая его своими глупыми выходками. Маленькая, сухонькая, вся какая-то неприметная, пробралась к кровати и встала в изголовье, обегая комнату острым взглядом хитрых черных глазок. При дворе Челестину не любили – слишком часто она с бессмысленным видом высказывала неприкрытую, неприятную правду. Детям и блаженным позволительно многое. Только слуги и рабы перешептывались о том, что никакая Челестина не дурочка и не шутиха и что она якобы доносит графу обо всем, что делается и говорится в его доме.

– Твоя светлость, а твоя светлость, – позвала старушка.

Амедео вздрогнул, приоткрыл затуманенные страданием

глаза, еле слышно спросил:

– Чего тебе?

– Сказать хочу... – Челестина склонилась к уху господина и что-то горячо, быстро зашептала.

Граф приподнялся с подушек, хрипло выдохнул:

– Я понял... ступай... – и снова упал с искаженным от боли лицом.

Дурочка выбежала из покоев, удостоившись неодобрительного взгляда мессэре Чиприано, который неспешно шествовал к больному, держа свиток нового гороскопа. Повелительно кивнув цирюльнику, чтобы был наготове, врач обратился к Амедео:

– Начинаем, ваша светлость.

Так он говорил и вчера, и позавчера, и месяц назад, ни разу не получив ответа. Слова эти были лишь данью вежливости, и физик вздрогнул, когда потрескавшиеся губы графа вытолкнули:

– Не нужно... кровопускания...

– Но, ваша светлость...

В голосе Амедео зазвучали нотки былой властности:

– Все вон. Мессэре Чиприано, оставайтесь...

Перепуганные слуги покинули покои, оставив растерявшего важность лекаря наедине с высокородным пациентом. Физик сделал робкую попытку воззвать к благоразумию графа:

– Ваша светлость, но больная кровь...

– Молчите, – оборвал Амедео, – у меня мало времени. Я знаю, что сегодня умру.

– Этого не может знать никто, кроме Всевышнего! – воскликнул мессэре Чиприано.

– И он послал мне сон, – задумчиво проговорил граф. – Но я не о том... Скажите, мессэре, в чем вы видите причину моего недуга?

– В вашем желудке образовался избыток черной желчи. Распространяясь по телу, она отравляет кровь, делая ее черною, что вызывает воспаление во всем организме, – ответил врач. – Поэтому я вижу в кровопускании единственное средство от постигшей вас болезни.

– Оставьте свой ученый бред. Мне не интересны последствия. Я спросил о причине.

Мессэре Чиприано замялся. И дело было не в том, что он не знал, откуда взялся странный недуг, поразивший графа. Напротив, он был уверен, что понял его причину верно. Но как сказать об этом пациенту?

Амедео с трудом усмехнулся, прищулив тусклые от болезни карие глаза. Горбатый нос, который придворный поэт в своих виршах называл орлиным, казался непомерно огромным на исхудавшем лице.

– Меня отравили, верно?

Врач снова содрогнулся. Да, тысячу раз да! Он был убежден, что кто-то убивает несчастного графа. Но будь он проклят, если мог понять, каким образом яд попадает в желу-

док его пациента! Перед подачей на стол все блюда давали попробовать сначала кухонным рабам, затем собакам. Посуду, с которой ел граф и его семейство, проверяли надежные слуги, а в кубок, из которого пил его светлость, был вделан рог единорога, предохранявший вино от отравления. Отчаявшись, физик сам принялся следить за всеми работами на кухне. Тщетно: неведомый яд медленно, но верно убивал Амедео делла Торре.

– Значит, я прав, – тихо проговорил граф, внимательно наблюдавший за изменениями в лице лекаря. – Ступайте, мессэре, позовите ко мне фра Никколо.

Боль возвращалась, а с нею и невероятная слабость, сковавшая тело, и осознание близости смерти. Следовало торопиться. Фра Никколо, высокий широкоплечий монах с округлым румяным лицом и чувственными губами тайного сластолюбца, облаченный в серую рясу из дорогого сукна, подошел к кровати, благословил умирающего.

– Я хочу исповедаться, святой отец, – прошептал граф и вдруг, не дав фра Никколо произнести положенную в таких случаях фразу, спросил: – Что произойдет с душой человека, не сумевшего перед смертью простить своих врагов?

– Все в руках Господа, сын мой, – монах озадаченно нахмурил густые брови, – но гнев – один из семи смертных грехов. Лишь Господь наш может решать, кому простится, а кому нет. Отказывая врагу в прощении, ты возносишь себя выше Господа, впадая в самый страшный грех – гордыню.

– Что же станется со мною за это?

– Грешник будет ввергнут в геенну огненную, где ему вечно гореть в адском пламени, – строго произнес священник.

– Геенна... – тихо рассмеялся больной. – Есть ли муки страшнее тех, что я испытываю сейчас? Я готов... – И, словно не было этого странного разговора, повторил: – Я хочу исповедаться, святой отец.

Боль все крепче сжимала графа в безжалостных объятиях, не дав ему закончить покаяние в грехах. Во время соборования и елеосвящения он жалобно кричал, заглушая слова мессы. Наконец фра Никколо вышел из покоев.

Под дверью собралась вся семья делла Торре, узнавшая от лекаря о том, что умирающий потребовал священника.

– Можете проститься, – сурово произнес фра Никколо.

Тихо, гуськом они вошли в комнату и встали вокруг ложа страдальца. Младший брат графа Паоло, красивый крепкий мужчина тридцати пяти лет, его сыновья – похожий на отца пятнадцатилетний Паоло-Джачинто и тринадцатилетний весельчак Лучано. Супруга Паоло, мадонна Ортензия, хмурая полноватая женщина. Некрасивая и немолодая, в прошлом месяце отметившая свое тридцатилетие, она безмерно ревновала своего все еще полного мужской силы супруга к каждой хорошенькой служанке. Ревность и зависть к чужой юности прорезали глубокие складки вокруг рта, брюзгливо опустили уголки губ. Глаза навывкате делали мадонну Ортензию похожей на большую рыбу...

Чуть поодаль от остальных родственников стояла юная мадонна Анджелика – жена умирающего. Высокий выпуклый лоб, золотистые кудри, выбившиеся из-под светлого покрывала, широко раскрытые ореховые глаза, в которых дрожали беспомощные слезы, аккуратный носик, детски припухлые губы... мадонне Анджелике было восемнадцать лет. За юбку ярко-голубого платья цеплялись двое мальчиков – сыновья, близнецы Витторио и Алессандро, одинаковые как две виноградины с одной кисти. Господь не благословил первый брак Амедео детьми. Овдовев, граф выдержал положенный срок траура и женился на тринадцатилетней Анджелике из небогатого рода ди Грассио. Разница между супругами составляла четверть века. Амедео, без памяти любивший юную жену, молил Бога лишь об одном – о наследниках. Его мечта осуществилась вдвойне, и спустя год Анджелика подарила мужу близнецов.

Боль скручивала внутренности, мешала дышать. Граф слабо махнул рукою, подзывая жену. Та склонилась над умирающим, поцеловала горячие сухие губы. Сдерживая рыдания, подняла детей, чтобы Амедео смог проститься с ними.

– Ступай... Андже, – с трудом проговорил его светлость, не желая делать юную супругу свидетельницей своих мучений, а самое главное, того, что должно было произойти сейчас...

Схватив мальчиков за руки, плачущая мадонна Анджелика вышла. Как же плохо будет ей одной, с детьми, без мужа

и отца, без опоры. Не успел, не защитил... все в руках Господа... Амедео хватал воздух, словно рыба, выброшенная на сушу. Словно рыба...

Следующими к смертному одру подошли племянники, затем мадонна Ортензия. И их больной выпроводил прочь. Когда над постелью склонился Паоло, боль стала невыносимой. Будто зверь, рвущийся на свободу, она когтила внутренности, раздирала их, наполняла рот кровью. И Амедео уступил ей. Издал жалобный крик, выплюнув на грудь кровавый сгусток, содрогнулся в последней агонии и замер с широко распахнутыми глазами.

Паоло прикоснулся ко лбу покойного поцелуем. Прикрыл веки.

– Прощай, брат...

Богатство и власть – великое искушение. Неудовлетворенное желание и страсть, которую невозможно разделить, рожают в душе злобу и зависть. Амедео был силен и крепок и мог прожить еще много лет. Если бы Паоло не помог смерти найти свою жертву. Недаром вот уже десять лет он с помощью алхимика тайно изучал яды. В его лаборатории стояли наполненные морской водой резервуары, в которых плавала разная рыба. На ней Паоло испытывал действие ядов. Однажды ему пришла удивительная мысль о том, что человек, съев рыбу, накормленную отравой, будет отравлен и сам. Паоло блестяще доказал эту гипотезу, ежедневно подкармливая кефаль ядом.

Амедео любил острый паштет из кефали. Больше никто из домочадцев не притрагивался к этому кушанью. Верный слуга Паоло осторожно прокрадывался в большую кладовую, где в чане плескалась живая рыба, и подменял кефаль. Напрасно мессэре Чиприано пытался поймать убийцу, отравляющего блюда. Напрасно с паштета снималась двойная проба. У собак и рабов крепкие желудки, и маленький кусочек паштета не мог им повредить. Зато его ежедневное употребление медленно убивало Амедео, который даже на смертном одре не мог отказаться от любимой еды. К тому же физик, сам того не желая, ускорил гибель пациента, рекомендовав ему острую пищу «для выжигания черной желчи».

Паоло прикрыл лицо ладонью, словно скрывая от покойника торжествующую улыбку. Теперь его непременно избежут подестой Милана! Теперь ему принадлежат все состояние и вся власть семьи делла Торре. И мадонна Анджелика...

Стон, раздавшийся в покоях, заставил его вскрикнуть. Амедео распахнул глаза и устремил на брата горящий взгляд: – Подойди...

Содрогнувшись в душе, Паоло вновь склонился над графом, так упорно цеплявшимся за уходящую жизнь...

Иссохшая рука дернулась, провела по окровавленному рту. Собравшись с последними силами, Амедео ударил брата по губам. Шутиха Челестина слишком поздно сумела узнать, кто и как убивает его. Он не смог сохранить жизнь, зато за ним осталось право мести.

– Убийца... будь проклят проклятием каиновым...

Последняя судорога была короткой и страшной: спустя мгновение все кончилось. Теперь граф делла Торре был мертв.

Паоло попятился от кровати, ощущая на губах вкус крови своего родного брата...

Глава 1

«Du hast! – заорало под ухом. – Du hast mich!»⁵

Владивосток, ноябрь 2009 года

Шепотом чертыхаясь, Сергей нащупал мобильный, лежавший рядом с подушкой, отключил будильник, в который раз пообещав себе сменить его мелодию. Он любил «Раммштайн», но просыпаться предпочитал подо что-то более... симпатичное. Звонок установила Алиса. Пошутила, называется.

Сергей еще немного полежал: вставать не хотелось. Понедельник... Ощутив, что вот-вот снова провалится в сон, решительно отшвырнул одеяло, скатился с дивана, несколько раз отжался, разогревая затекшие мышцы.

С портрета, висевшего на стене, – работа младшей сестренки – на Сергея смотрел его двойник. Коротко стриженные русые волосы, худощавое лицо с твердым подбородком, спокойный взгляд близко посаженных серых глаз, прямой нос с горбинкой, упрямо сжатые губы. Сейчас оригинал отличался от изображения не в лучшую сторону: подбородок украшен двухдневной щетиной – в выходные было лень бриться, волосы всклокочены, глаза смотрят хмуро и недружелюбно. Сергей не любил первые минуты утра, вырывав-

⁵ Ты!.. Ты меня! (Слова из песни «Du hast» группы «Rammstein»).

шие его из сна.

После бритья, контрастного душа и чашки кофе утро уже не казалось мрачным, а новая неделя – бесконечной. Сергей заглянул в комнату сестры. Дашка спала, уютно закутавшись в одеяло до самой макушки, в ногах у нее дремал, свернувшись в клубок, толстый серый кот. Полоса света из коридора падала на стол, заваленный рисунками. Стены маленькой комнатки были заклеены постерами с фотографиями персонажей знаменитой вампирской саги. В полумраке бледные лица кровососов и их подружек выглядели угрюмыми и недовольными, словно вторжение Сергея не вовремя пробудило героев от их упыриного сна. Рядом с кроватью валялась книжка в глянцевой обложке, с которой смотрели все те же или очень похожие бледные физиономии. Сергей добродушно усмехнулся: сестренка в семнадцать лет все еще увлекалась сказками. Сам он не мог понять прелести романтических отношений с ожившим покойником, полагая, что труп, даже ходячий, должен быть холодным и вонючим. Поэтому фанатизм поклонниц вампирских саг объяснял для себя красотой и особой харизмой актеров, сыгравших главные роли. Впрочем, в харизме Сергей, наверное, тоже не разбирался – ничего необычного и прекрасного в лицах актеров он не усматривал.

Кот бесшумно соскользнул с кровати и, доброжелательно затарахтев, принялся тереться об ноги хозяина, требуя ласки и еды.

– Даш, – позвал Сергей, – тебя на учебу подвезти?

Девушка подняла заспанное лицо, несколько секунд непонимающе смотрела на брата, потом, окончательно вернувшись к реальности, пробормотала:

– Нет, мне сегодня ко второй паре...

– Тогда Мурзу покормишь, – распорядился, уходя, Сергей.

В подъезде он достал из кармана мобильник, ткнул клавишу «3», прослушал какую-то незамысловатую мелодию. Алискин телефон был отключен. Неужели еще дуется? Не похоже на нее. В пятницу, в обеденный перерыв, они повздорили, и девушка обиделась. Причина ссоры была банальна и проста: Алисе давно уже хотелось услышать от любимого официальное предложение руки и сердца, а Сергей все тянул. Не то чтобы его пугала перспектива семейной жизни – нет, тут как раз их желания совпадали. Но Дашка... как оставить семнадцатилетнюю сестру? Алиса была не против того, чтобы жить одной семьей, но Сергей сомневался. Это на словах просто, а на деле девчонки у него обе с характером.

Он привык ставить интересы Даши превыше своих. Так уж получилось, что шесть лет назад, после гибели родителей в автокатастрофе, ему пришлось взять на себя ответственность за сестру. Тогда Сергей, выпускник Высшей школы милиции, только начинал работать опером, а Дашке исполнилось одиннадцать. Близких родственников в Приморском крае у Кругловых не имелось, помочь было некому. Прие-

хала, правда, из Красноярска двоюродная сестра мамы, рассказывала о том, как трудно ей приходится с двумя детьми, да тут еще и муж бросил... Тетка явно надеялась, что Сергей сделает из ее рассказа правильные выводы. Он сделал. После похорон, когда от нее и соседей прозвучало: «О девочке надо позаботиться. Давай подберем хороший интернат или детский дом», – парень молча выставил всех за дверь.

Сергей никогда не был особенно дружен с сестрой – сказывалась большая разница в возрасте. Он всегда относился к Даше снисходительно-покровительственно, не более того. Но тогда, в день похорон, глядя в ее испуганное, опухшее от слез лицо, вдруг отчетливо осознал: ближе и роднее сестренки у него никого не осталось, и ни в какой интернат он ее не отдаст. Просто не сможет предать этого домашнего, доверчивого ребенка.

Сначала было очень трудно. Дашка все время плакала, а он не знал, как ее успокоить, как вернуть их маленькую семью к нормальной жизни. Не хватало всего: денег, времени, умения вести хозяйство... Потом как-то постепенно наладилось. Правда, спустя три года пришлось бросить службу в милиции, променяв ее на гораздо более спокойную и денежную работу в отделе безопасности банка. Там он и встретил Алису...

Улицу окутывал густой туман. Белесое, солено пахнущее покрывало тянулось из бухты, стелилось по земле, льнуло к домам и деревьям, делало силуэты прохожих размытыми,

нечеткими. В этом плотном облаке обычный спальный район становился загадочным, похожим на декорацию к фильму ужасов. Погода для Владивостока нередкая, хотя для ноября и не совсем типичная.

По дороге на стоянку Сергей еще раз позвонил Алисе. Снова прозвучала бравурная песенка, следом до противности вежливый женский голос сообщил: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Если Алиса отключила трубку, значит, явно не желала идти на примирение. Сергей недоуменно пожал плечами. Неужели до сих пор обижена? Вряд ли, скорее всего, просто села батарея. При всей своей вспыльчивости девушка была не злопамятна и ни разу еще не сумела выдержать в ссоре дольше одного дня.

Серый «субару-форестер» послушно заурчал, подмигнул противотуманными фарами, мягко тронулся с места и покатился по ухабистой дороге, больше напоминающей горную тропу.

– Не проскочил, – пробормотал Сергей, выруливая на трассу.

Вскоре субарик завяз в медленном, ленивом потоке машин. А потом этот поток и вовсе замер. Машин во Владивостоке было непомерно много, а дорог – неоправданно мало, что наглядно подтверждало наличие обеих вечных общероссийских бед. Но зато имелись две достопримечательности, которыми горожане заслуженно гордились. О них хоро-

шо сказал солист легендарной немецкой рок-группы, приехавшей во Владивосток на гастроли. На вопрос журналистов «Что вам больше всего понравилось в нашем городе?» мастер рок-баллады ответил: «Огромное количество дорогих машин и красивых женщин».

Действительно, по Светланской и Океанскому проспекту – «Сити» Владивостока – неся непрекращающийся поток роскошных «лексусов», солидных «лендкрузеров», хищных спортивных «лансеров» и «целик». В дорогих автомобилях, на водительском сиденье или рядом, сидели красивые девушки. Такие же красотки, ничуть не хуже, нарядной пестрой толпой заполняли вымощенные брусчаткой тротуары, спеша в офисы, магазины, университеты...

Стоя в пробке, Сергей еще несколько раз звонил Алисе – безрезультатно.

В центре светило по-зимнему холодное солнце, делая стоящие вдоль дороги старинные дома, выкрашенные желтой и розовой краской, празднично яркими. Каждый район Владивостока отличался своим собственным микроклиматом, и, проехав из конца в конец города, можно было поочередно окунуться в туман, попасть под дождь и увидеть солнце. Портовый город, сложный ландшафт – обычное дело.

До банка на Алеутской Сергей все же добрался вовремя, ровно в девять – минута в минуту – вошел в кабинет службы безопасности: Михаил Александрович, начальник, терпеть не мог опозданий.

Первым делом Сергей позвонил по телефону внутренней связи в отдел кредитования, где работала Алиса.

– А ее нет, – кокетливо пропела одна из менеджеров, – не волнуйтесь, Сергей Владимирович, приедет.

Служебные романы руководством не приветствовались, поэтому Сергей с Алисой всегда делали вид, что они как бы не вместе, а остальные сотрудники притворялись, что как бы в это верят.

Но Алиса не появилась ни через час, ни через два, по-прежнему пребывая «вне зоны действия сети». В одиннадцать Сергей набрал ее домашний телефон. Трубку сняли сразу же, как будто ждали звонка.

– Алло! – Даже по телефону в голосе Алисиной матери отчетливо слышались надежда и страх.

– Здравствуйте, Елена Сергеевна...

– Сереженька! – перебила женщина, – Слава богу! А я уже собиралась на работу звонить, вашего-то номера не знаю... Алиса с вами?

– Нет... – растерянно ответил он, ощущая, как в сердце холодной змеей заползает тревога.

– Как же так? – Елена Сергеевна всхлипнула.

– Успокойтесь, расскажите все по порядку, – твердо произнес Сергей, стараясь голосом не выдать своего беспокойства.

Но женщина расплакалась и уже не могла выговорить ни слова. Трубку взял Антон Петрович, отец Алисы, заговорил

медленно, борясь с одышкой, какая бывает у сердечников. В пятницу вечером Алиса ушла с подругами в ночной клуб, сказав родителям, что все выходные проведет у Сергея.

– Мы думали, она с вами, поэтому сначала не беспокоилась, – говорил Антон Петрович.

– Нет. Я не видел ее с пятницы, – ответил Сергей.

– Она не позвонила в субботу. Мы не хотели вам мешать, но в воскресенье не выдержали, позвонили сами. Алисин телефон отключен. Мы уже с ума сходим. Понимаете, такого никогда раньше не было. Она старается нас не волновать. У меня больное сердце...

Сергей знал, как бережно Алиса относится к родителям. Действительно, она ни при каких условиях не могла оставить их в неведении. Да они ведь многого и не просили: просто раз в день позвонить, сказать, что все в порядке. Значит, с нею произошло что-то очень серьезное... По спине пробежал холодок.

– В каком клубе они были? – быстро спросил Сергей.

– Кажется, «Колизей»... Да-да, она так его назвала.

– Подругам звонили?

– Да... только они что-то непонятное несут. Говорят, что не знают, куда Алиса делась из клуба. И вообще, мне показалось, они обе пьяные.

– Хорошо, я сейчас сам с ними поговорю. Дайте мне их телефоны.

– А нам что делать? – потерянно спросил Антон Петро-

вич, продиктовав номера.

– Пока ничего. Ждите. И постарайтесь не волноваться.

Сергей положил трубку. Он знал, что полагается делать в таких случаях, но просто не мог предложить напуганным, измученным ожиданием пожилым людям обзванивать морги и больницы. Лучше он сделает это сам. Но сначала встретится с подругами Алисы. Девушкам вполне может быть известно больше, чем они сказали родителям.

– Михаил Александрович...

– Да, можете ехать, – тут же отозвался начальник, широкоплечий бритоголовый мужчина, внимательно прислушивавшийся к его телефонному разговору. – Считайте это своим служебным заданием.

Сергей благодарно кивнул. Михаил Александрович мог расценить внезапное исчезновение менеджера кредитного отдела как чрезвычайное происшествие и угрозу безопасности банка. Но будь это действительно так, он не поручил бы расследование ему, любовнику Алисы.

– С вами едет Андрей, – тут же перестраховался начальник.

Из-за соседнего стола поднялся невысокий смуглый парень и, бросив:

– Жду у твоей машины, – вышел.

Сергей созвонился с подругами Алисы. Он был знаком с обеими девушками, пару раз был с ними в одной компании, так что они сразу согласились на встречу.

Встреча с одной из подруг была назначена в маленьком кафе «Розовая жемчужина», которое располагалось на первом этаже монументального дома дореволюционной постройки. Леночка, пухленькая миловидная блондинка лет двадцати пяти, уже сидела за покрытым розовой скатертью столиком, с аппетитом уписывая чизкейк.

– Привет! – весело поздоровалась она. – Я здесь работаю неподалеку. У меня как раз обед.

Андрей, впечатленный Леночкиной белокуростью и богатыми формами, широко улыбнулся и завел ни к чему не обязывающий разговор о местной кухне. Сергей заказал два кофе, незаметно присматриваясь к девушке, охотно болтавшей с его напарником. Судя по поведению, она не была ни напугана, ни взволнована.

– Лена, – вклинился он в беседу. – Извини, но у нас мало времени. Я по поводу Алисы.

– А что Алиска? – беззаботно откликнулась девушка.

– Ты сказала ее родителям, что не знаешь, где она.

– Родителям? – Аккуратные бровки Леночки приподнялись, большие карие глаза округлились, выражая искреннее удивление. – Я с ними не разговаривала.

– Вчера тебе звонил Антон Петрович, Алисин отец. Спрашивал, не знаешь ли ты, где она.

– Н-не помню, – как-то неуверенно отозвалась девушка.

– Ладно, неважно. – Сергей решил не настаивать, хотя поведение Леночки выглядело, мягко говоря, странно. Как

можно было позабыть о вчерашнем звонке? Она же не старушка со склерозом. Даже если девушка и пыталась что-то скрыть, то какой смысл отрицать известный факт? – Расскажи мне, куда после клуба поехала Алиса.

Во взгляде Лены изумление сменилось непонятной отрешенностью. Закусив пухлые губы, она теребила прядку светлых волос, выбившихся у виска из аккуратной гладкой прически, и словно пыталась что-то вспомнить, но не могла. Так и не дождавшись ответа, Сергей мягко проговорил:

– В пятницу вы пошли в «Колизей», правильно?

– В «Колизей», – послушно подтвердила Леночка.

– Вас было трое: ты, Ирина и Алиса, так?

– Так...

– Хорошо. Расскажи, что вы там делали.

Леночка оживилась, голос зазвучал более уверенно:

– Как обычно. Сидели, выпили по паре коктейлей, слушали музыку, танцевали...

– Долго вы пробыли в клубе? – Сергей старался говорить как можно спокойнее, чтобы не спугнуть девушку.

– Где-то до четырех, наверное. Потом Иришка захотела спать, мы заказали такси и уехали.

– Алиса уехала с вами?

Снова непонятная рассеянность во взгляде, словно имя Алисы воздвигало в сознании Леночки стену, сквозь которую не могли пробиться воспоминания.

– Сосредоточься, Лена, – сказал Сергей, подавляя жела-

ние схватить девушку за плечи и как следует встряхнуть. – Вы поехали по домам. Где была Алиса? С вами?

– Нет... по-моему. Нет, ее не было...

– Она осталась в клубе? Ушла раньше? С кем? Вспоминай!

Андрей толкнул напарника в бок, отрицательно покачал головой: не перегибай... Карие глаза Леночки наполнились слезами.

– Не помню, не помню... Ребята, я понимаю, это очень странно, но поверьте, пожалуйста: я правда не помню!

– Сколько ты выпила? – сочувственно спросил Андрей.

– Всего два коктейля!

Больше от нее ничего добиться не удалось. Мужчины провели в кафе еще час, успокаивая, а потом снова расспрашивая Лену. Картина складывалась непонятная: девушка вполне внятно описывала времяпровождение в клубе, вспоминала мельчайшие подробности, но как только речь заходила об Алисе, вдруг замирала, сбивалась и впадала в прострацию. Так ничего и не узнав, Сергей с напарником вынуждены были с нею распрощаться.

– Ничего не понимаю, – угрюмо проговорил Андрей уже в машине, – запугал ее кто-то, что ли?

– Не похоже. Согласись, если бы она что-то скрывала, придумала бы версию поубедительней.

– Наркота?

– Ты ее видел? – хмыкнул Сергей. – Девчонка пышет здо-

ровьем.

– Ну, может, попробовала впервые. Экстази, допустим. В сочетании со спиртным эффект убойный.

– Тогда бы ее просто вырубил до утра, она бы не вспомнила даже, как блевала на собственные пятки, изогнувшись в лихом пируэте! А она подробно описывает, как рассталась с Ириной и что в подъезде на ее этаже кто-то выкрутил лампочку.

Сергей вел машину, отвечал напарнику, но делал все это машинально, занятый мыслями об Алисе. За три года службы в милиции он наслушался баек об особой интуиции оперативников, но не особо верил в эти рассказы, считая, что чутье на самом деле – не что иное, как опыт, помноженный на аналитические способности. А тут не требовались ни опыт, ни интуиция, чтобы понять: случилось что-то очень паршивое.

Субарик выехал из центра и покатился к бухте Тихой. Здесь, на сопке, между типовыми серыми девятиэтажками гулял холодный пронизывающий ветер, перекачивая унылые клубы тумана.

Ирина была в отпуске, поэтому назначила встречу у себя дома. Сергей очень надеялся на беседу с нею. Но надежды не оправдались: разговор, состоявшийся в маленькой уютной квартирке, почти в точности повторил диалог в кафе. С той только разницей, что теперь запинаясь и плакала хорошенькая хрупкая брюнетка.

– Не понимаю, – говорил на обратном пути Андрей, – они обе словно зомбированы. Если не наркотики, то что? Гипноз?

– Возможно, – мрачно ответил Сергей.

– А ты в него веришь?

– Верю – не верю... Гипноз, НЛП, секта... у меня пока нет более убедительных версий. С девчонками кто-то поработал, это точно.

– Думаешь, Алису похитили?

– Возможно...

Вернувшись на работу, Сергей коротко отчитался перед начальником и отыскал в телефонной базе номер «Колизея». Трубку никто не взял – понедельник, в клубе наверняка выходной. Он снова позвонил Алисе: безрезультатно. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – вещал механический голос. Сергей откинулся в мягком крутящемся кресле, с минуту бездумно смотрел в белые пористые плиты подвесного потолка. Потом выдохнул, решительно нажал клавишу «4» на своей трубке. Пора.

С Вовкой Пермяковым они дружили с самого детства. Выросли в одном дворе, пошли в одну школу, сидели за одной партой. Потом вместе поступили в Высшую школу милиции, вместе начинали службу в Пушкинском РОВД. Только через три года Сергей ушел в банк, а Вовка так и остался. Сколько Сергей ни звал друга на новую работу, тот неизменно отвечал: «Да ладно, потом как-нибудь», – и продолжал тянуть

оперативную лямку. И хоть при встрече Вовка любил жаловаться на то, что зарплата маленькая, премии зажимают, а вокруг – сплошная коррупция с показухой, бросать «весь этот бордель», как он называл место службы, не торопился. То ли любил свою работу, то ли работа его любила. Везде, где бы Пермяков ни появлялся, он заводил друзей. Такой у него был талант. Он умудрялся находить общий язык с девушками, таксистами, зрелыми дамами, злоехидными бабульками на лавочках и матерыми уголовниками – незаменимое качество для опера.

Длинный, тощий, сутуловатый и нескладный на вид, Вовка обладал удивительными гибкостью и артистизмом, а его по-обезьяньи подвижное лицо, чем-то напоминавшее портреты Пушкина, в зависимости от желания хозяина могло выражать то искреннее сочувствие, то непримиримую ярость, то мировую скорбь. Еще со школы к нему намертво приклеилось прозвище Факофф. У Вовки не было никаких способностей к языкам, и английский он еле-еле тянул на троечку, но ругательство, почерпнутое из американских боевиков, он к месту и не к месту выговаривал красиво и с шиком, поражая воображение слушателей истинно суперменским произношением. Вот такой вроде бы несерьезный парень. Но в нужные моменты все клоунские замашки слезали с Вовки, словно шелуха, обнажая острый ум и железную хватку.

Капитан милиции Пермяков ответил не сразу. Сергей терпеливо ждал: мало ли где может находиться оперативник.

Наконец в трубке что-то зашуршало, брякнуло, потом голос Вовки радостно воскликнул:

– Серега, факофф! Привет!

– Володя, нужна помощь, – проговорил Сергей.

Он быстро рассказал об исчезновении Алисы. Друг был знаком с девушкой, хорошо к ней относился и при встрече утверждал в своей обычной полушутливой манере, что не понимает, чем Круглов заслужил такое сокровище.

– Ясно... – отрывисто произнес Вовка, – «Колизей» – наш район. Пусть родители завтра с утра приходят, пишут заявление.

– Вов, ты сможешь пробить по базе?..

– Хорошо, сделаю. – Друг отключился.

Остаток дня Сергей провел за работой. Так ему было легче переносить ожидание и бороться с самыми страшными подозрениями. Три года – невесть какой срок службы в милиции, но и за это время он успел неплохо узнать изнанку Владивостока. В портовом многонациональном городе, богатом, шумном, не отличавшемся порядком, живущем автомобильной торговлей с Японией и морскими перевозками, было чем поживиться. Сюда стекались преступники всех мастей – от мелких шулеров до грабителей-рецидивистов. Воры, убийцы, мошенники, держатели притонов, драгдилеры – на кого он только не посмотрелся.

А еще во Владивостоке часто пропадали люди, как правило, молодые, не старше тридцати пяти. В каждом отделе-

нии милиции пылились сотни нераскрытых дел на тех, кто «ушел из дома и не вернулся». Обезумевшие от горя родители, рыдающие жены и растерянные мужья давно уже стали рутиной, чуть ли не ежедневными посетителями. Конечно, процентов десять так называемых «пропаданцев» на самом деле таковыми не были. Кто-то сбегал из дома, кто-то в погоне за романтикой пускался в путешествие автостопом, великовозрастные чада уходили от надоевшей материнской опеки, жены бросали мужей, а мужья – жен, иной раз забывая предупредить о разрыве. В таких случаях правда рано или поздно выяснялась. А вот остальные девяносто... Чаще так и оставались пропавшими без вести. Иногда они находились. Всплывали в заливе, прибитые волной к берегу, по весне в лесу жуткими «подснежниками» показывались из-под стаявшего снега, обнаруживались в подвалах домов и под завалами мусора на городской свалке...

Сергей изо всей силы гнал от себя воспоминания о страшных находках, пытаясь думать только о работе. На какое-то время это ему удавалось, но потом он снова застывал за компьютером, бессмысленно пялясь в экран монитора. Тревога усугублялась зудящим чувством вины. Если бы Алиска не разозлилась на него, они провели бы выходные вместе. И не было бы ни клуба, ни последующего кошмара. И всего-то нужно было согласиться с абстрактным утверждением, что в двадцать семь мужчина готов к семейной жизни! А он как-то замялся... «Да женюсь я на тебе, дурочка! Ведь люблю же

тебя! – мысленно уговаривал он Алису, как будто это могло что-то изменить. – Ты только найдись, вернись целая и невредимая. И я сразу же сделаю предложение. Только сначала отшлепаю как следует!»

Рабочий день кончился. Сергей вышел из банка, немного постоял на улице, вдыхая свежий прохладный воздух. Домой не тянуло. Там Дашка, не хотелось пугать сестренку траурной физиономией. Подумав, он решил поехать на тренировку. Правда, по понедельникам занималась другая группа, но не выгонят же его! Сергей увлекался кудо уже восемь лет, имел второй дан, дважды выходил в серебряные призы чемпионата по Приморскому краю и три раза побеждал в профессиональных боях по версии «драка». С последними он завязал, когда погибли родители, решив, что теперь не может рисковать здоровьем – нужно еще сестру поднимать.

«Поеду, – подумал он, – пар выпущу хотя бы». Благо сумка с доги, макиварами, шлемом и прочей экипировкой всегда лежала в багажнике его автомобиля.

Сергей уселся в машину, но не успел повернуть ключ в замке зажигания, как мобильник разразился песней «Арии». Звонил Вовка. Голос друга был сдавленным и хрипловатым, каким-то нерешительным.

– Серега, я пробил. Это пока неточно, но есть свежий труп. Вчера нашли. Похожий... – Вовка, словно не желая произносить имя Алисы вслед за словом «труп», не закончил фразу, только добавил: – Приезжай.

Даша любила туман. Он создавал чувство защищенности и приятного одиночества, скрывал от чужих взглядов. Она словно плыла в ласковом пуховом коконе, незаметная и не замечающая никого вокруг. Туман был холодным и в то же время нежным, румянил щеки, бриллиантовой пылью оседал на ресницах и волосах, придавал глазам влажный загадочный блеск. Но Даша не догадывалась об удивительном преображении, которое дарила ей белая дымка, а сказать было некому: ведь туман тем и хорош, что никто тебя не видит.

Долго стоять на остановке не пришлось, и спустя час с лишним Даша уже была в универе.

Учиться во Владивостокском экономическом университете было престижно и не очень комфортно. Четыре больших корпуса – два старых и два недавно построенных – связанные сложной системой переходов и коридоров, представляли собой настоящий лабиринт, в котором с непривычки можно было заблудиться. В перерывах между парами студентам приходилось преодолевать множество лестниц.

– Быстро-быстро! – Томочка, лаборантка кафедры, остановилась перед Дашей, укоризненно взглянула сквозь толстые стекла очков. – На занятия опоздаешь!

Девушка кивнула и осторожно обошла лаборантку. Томочка была в универе кем-то вроде местной юродивой. Толстая, неуклюжая, рыжая, в неизменном потертом сером костюмчике, она всегда находилась в состоянии душевного

трепыхания. Никто, конечно, не уполномочивал лаборантку следить за посещаемостью, но и возражать ей было чревато: Томочка могла разрыдаться или, чего доброго, вообще впасть в истерику – реакции она выдавала непредсказуемые. Поэтому студенты просто старались избегать странноватую даму.

Томочка проводила девушку укоризненным взглядом и ходко потрусила дальше, потряхивая выпирающим из-под короткого пиджачка задом. Казавшиеся из-за очков огромными, как у коровы, глаза влажно блестели.

Аудитория, в которой проходила лекция по истории Приморского края, была самой обычной. Три ряда столов, расставленных как в школьном классе, только каждый стол рассчитан на четырех человек. Даша вошла, уселась на свое постоянное место у окна, достала тетрадь.

Группа была почти в полном составе: первокурсники, еще не научившиеся прогуливать занятия, рассаживались за столы, наполняя аудиторию шумом, смехом и болтовней. В центре второго ряда несколько девушек что-то увлеченно обсуждали, в углу громко хохотали трое парней, за первым столом шушукались «ботаники».

За пять минут до начала лекции в кабинет впорхнула Женечка Войченко. Яркая, белокурая, вызывающе одетая, она напоминала героиню анекдотов про блондинок. Войченко любила короткие юбки, подчеркивающие длину и стройность ее ног, откровенные декольте, отдавая предпочтение

розовым тонам, что делало ее похожей на ожившую куклу Барби. Многие одноклассницы считали это дурновкусием, но Женечку не смущала скрытая насмешка в их взглядах. Она считала, что лучшие друзья девушки – это бриллианты, и продолжала демонстрировать материальные возможности своего отца, владельца крупной рыболовецкой компании на Сахалине. Вот и сейчас, несмотря на теплую для ноября погоду, на Женечке была короткая норковая шубка, а в ушах и на пальчиках посверкивали драгоценные камешки – в ее семье так понимали богатство.

Вошедшая в аудиторию вслед за Женей девушка небрежно скинула белоснежную куртку, с дружелюбной улыбкой кивнула, поздоровавшись со всеми сразу. Персонального приветствия удостоились девчонки во втором ряду, встретившие подругу веселым щебетанием и дружескими поцелуйчиками в щечку. Яна Драгомилова – невысокая, гибкая, стройная шатенка, обладала прирожденной грацией движений, а за тонкие черты лица и большие глаза глубокого синего цвета ее можно было назвать настоящей красавицей. Она всегда была дорого и стильно одета. Даша совершенно не разбиралась в подобных вещах, но даже она понимала, что Яна умеет сочетать хороший вкус и моду. При всех своих несомненных внешних достоинствах Драгомилова не была высокомерной. Умненькая, веселая и общительная, она хорошо училась и даже в университет поступила сама, не воспользовавшись деньгами и связями своей семьи.

Один из парней, хохотавших за последним столом, оставил компанию и подошел к Яне, провожаемый заинтересованными девичьими взглядами. Им трудно было не любоваться – смуглый, высокий, атлетически сложенный и одновременно изящный. Черные волнистые волосы красивыми локонами ложились на плечи, бархатные карие глаза, окруженные длинными ресницами, завораживали мягким сиянием. Все это могло сразить любое женское сердце. И надо сказать, сразало.

Осторожно приобняв Яну за плечи, парень поцеловал ее в щеку – слишком нежно для обычного приветствия. Яна кокетливо откинула от лица прядь блестящих, идеально гладких волос цвета палисандра, что-то шепнула молодому человеку на ухо. Тот рассмеялся, кивнул и вернулся на свое место.

В группе было всего восемь парней, девушек – вдвое больше. Но, разумеется, Яна не могла остаться без внимания. И разумеется, таким, как она, всегда доставалось самое лучшее. С начала учебы все почему-то прониклись уверенностью, что между нею и Денисом Ладимирским обязательно случится роман. Яркие, красивые, умные, оба из семей высокопоставленных чиновников, они были словно созданы друг для друга. Так и случилось. Пока отношения Яны и Дениса напоминали игру – каждый из них был слишком самодостаточен и словно испытывал партнера: достоин ли, как покажет себя? Впрочем, оба игрока получали от состязания

немалое удовольствие, и все чаще Денис подвозил Яну к универу на ярко-синей, сверкающей «тойоте целика». Ни у кого из первокурсников еще не было своей машины, хотя родители большинства из них могли себе это позволить. Но многим студентам еще не исполнилось восемнадцати, Владимирский же уже полгода как отметил совершеннолетие.

Поначалу вся группа с интересом наблюдала за развитием этой красивой, какой-то киношной любви. Потом всем надоело. И так ясно, что они будут вместе. Даша вот точно это знала. Это только в американских фильмах капитан футбольной команды бросает капитана команды черлидеров ради самой скучной и некрасивой девочки, тем самым превращая ее из тусклой неудачницы в сияющую принцессу. В жизни все по-другому, в жизни капитан и капитанша женятся, делают карьеры, становятся богатыми и производят на свет детишек, таких же красивых и популярных, как они сами. А неудачница... Даше искренне хотелось верить, что и неудачницы могут чего-то добиться. Нужно только много работать, не надеясь на чудо.

И все же почему у нее так замирало сердце, когда она смотрела на Дениса? Она изо всех сил старалась не думать о нем, твердила себе, что это просто смешно. Куда ей? С самого детства она знала о своей некрасивости и уже привыкла, сжилась с нею. Серые волосы, серые глаза, обычное невыразительное лицо, как будто Творец, создавая Дашу, поленился придать чертам законченность, оставив их смазанными. В

общем, серая мышка.

Пара началась, но преподаватель как всегда задерживался. Вместо него в аудиторию вошел какой-то молодой человек, что-то коротко спросил у сидевших за первым столом.

– Новенький? Иван Тарков, да? Правильно, это сто одиннадцатая эф, – громко проговорила староста, на мгновение прервав болтовню с подругами.

Тот двинулся между рядами в поисках свободного места. Парни не обратили на его появление особого внимания, а вот девушки проявили гораздо больше интереса. Женечка Войченко, втайне до сих пор уязвленная тем, что Денис выбрал не ее, приободрилась и одарила Ивана томным взглядом. Остальные были не столь откровенны, но рассматривали новенького с любопытством. Он выглядел немного старше других первокурсников, на вид ему было около двадцати. Среднего роста, широкоплечий, жилистый, белобрысые волосы коротко острижены. Лицом Иван напоминал актера Дольфа Лундгрена: холодный прямой взгляд, светлые брови и ресницы, кривоватый, наверняка когда-то сломанный в драке нос, тонкие губы и твердый подбородок – настоящий арийский воин. Одет он был соответствующим образом: кожаная куртка, потертые джинсы и тяжелые солдатские ботинки-берцы.

«Интересный типаж», – подумала Даша, отстраненно разглядывая новенького. Тот, словно услышав ее мысли, вдруг повернулся и посмотрел прямо на нее. По спине пробежал

нехороший холодок: взгляд по-звериному желтых глаз был острым, пронизывающим, одновременно настороженным и уверенным. Наверное, так смотрит тигр, перед тем как прыгнуть на добычу, а может быть, змея перед броском... Даша испугалась, что он усядется на свободное место рядом с нею, но парень недобро усмехнулся и прошел мимо. И ничего удивительного, что прошел. В группе ее не замечали, как будто она приносила с собою кусочек уличного тумана и продолжала в нем прятаться. Так ей было комфортнее. Наверное, Иван сел с Женечкой, но оглянуться и посмотреть Даша побоялась.

Наконец в аудиторию вошел преподаватель, шум утих, началась нудноватая лекция. Записывать было нечего, и Даша рассеянно водила ручкой по тетрадному листу, набрасывая небрежный рисунок. Она умела и любила рисовать, в детстве даже мечтала стать художником. Особенно девушке удавались портреты.

Постепенно работа увлекала ее, размытые штрихи складывались в четкие контуры, на бумаге появлялось красивое лицо. Миндалевидные глаза, прямой нос с небольшой горбинкой, капризные чувственные губы, правильная линия высоких скул...

Даша была так поглощена своим занятием, что не уследила за временем. Очнулась, только когда вокруг послышался звук отодвигаемых стульев и голоса одноклассников. Она хотела было закрыть тетрадь, как вдруг нежный голосок про-

изнес:

– Ой, какой красивый портрет! Можно посмотреть?

Маленькая ручка с аккуратным розовым маникюром ловко сцапала тетрадь. Даша подняла глаза: рядом стояла улыбающаяся Настя Кравцова, подруга Яны. «Отдай!» – хотела сказать Даша, но не успела.

– Янчик, смотри, какой портрет нарисовала Круглова!

Настя подбежала к девчонкам, и тетрадь пошла из рук в руки. Рисунок разглядывали все, кто не успел выйти из аудитории. Девушки ахали и восхищались сходством, но у всех при этом на лицах читалось... понимание. У кого-то снисходительное и даже сочувственное, у кого-то насмешливое, у кого-то – откровенно злорадное. Парни, проходя мимо, тоже не поленились бросить взгляд на тетрадь.

Яна доброжелательно улыбнулась:

– Хороший рисунок.

Она никогда не унизилась бы до подозрений, неприязни или ревности, ей бы такое даже в голову не пришло. Да и к кому ревновать? Королевы не состязаются с замарашками. И от этой мысли Даше стало еще хуже.

– Забавная рожица, – одобрительно произнес анимешник Артур, в волосах которого иссиня-черные пряди перемежались с ярко-фиолетовыми. – А ты мангу рисовать не пробовала?

– Остынь, отаку! – рассмеялся Костя Левин, мажор и заядлый прогульщик, каким-то чудом появившийся сегодня

на занятиях. – Зачем ей твои комиксы? Круглова, а чего ж ты так долго свои таланты скрывала? Меня нарисовать сможешь?

– Тебя не получится, – ухмыльнулся его приятель Макс, – ты рожей не вышел, никого вдохновить не можешь, поэтому пошли лучше пожрем. А в этом шедевре видно высокое чувство. – Уходя, он хлопнул по плечу стоявшего рядом с Яной Дениса.

Парни, не придавшие этим словам никакого значения, отправились по своим делам, зато девушки поддержали шутку веселым смехом. Слишком веселым. Даша почувствовала, как к щекам жаркой волной приливает кровь. Кусочек тумана, прятавший ее ото всех, рассеялся, и теперь она стояла под обстрелом взглядов – открытая, незащищенная. Она знала, что лицо и шея сейчас покрылись некрасивыми красными пятнами, и было вдвойне стыдно, что ее такую видит Денис. Девчонки постепенно расходились, и только три подружки Яны все еще продолжали щебетать над рисунком. Денис мягко отнял у них тетрадь, закрыл, протянул Даше. Взгляд лучистых карих глаз был ласковым и немного удивленным, словно он только сейчас рассмотрел в девушке что-то особенное и теперь недоумевал, как раньше не видел этого.

– Ты хорошо рисуешь. Правда, мне очень нравится.

Улыбнувшись Даше на прощание, он вышел из аудитории вместе с Яной.

Следующей парой была высшая математика, затем – ан-

глийский. Сидя на занятиях, Даша пыталась справиться со стыдом, но у нее не получалось. Все давно уже забыли о ее рисунке, да и не было в нем ничего ужасного, но в воображении девушки случай обрастал неприятными последствиями. Теперь ей отовсюду чудились насмешливые взгляды и ехидные улыбочки. Поэтому конец занятий Даша восприняла с радостью и поспешила покинуть аудиторию.

Дома стало немного легче. Она постаралась выкинуть из головы терзавшие ее мысли и занялась домашними делами. В последние четыре года Даша взяла на себя все хозяйственные хлопоты, чтобы хоть немного облегчить брату жизнь. Обедать не хотелось, и девушка решила дождаться Сергея, чтобы вместе поужинать.

За окном сгущались сумерки, окрашивали туман в серые тона. Вот уже и окончательно стемнело. Семь часов, восемь, девять... брата все не было. Обычно она старалась не беспокоить Сергея по вечерам – мало ли, может быть, он с Алисой, а она тут ворвется со своим звонком... Но Даша ужасно проголодалась и решила позвонить.

Брат взял трубку не сразу, пришлось подождать. Голос у него был усталый, измученный какой-то:

– Даш, ты не жди меня. Дела...

«Наверное, опять какого-нибудь должника разыскивают, – решила девушка. – Придется ужинать в компании Мурзы».

Поев, она устроилась за столом в своей комнате и вклю-

чила компьютер. Немного побродила по форумам фанатов вампирских саг, ответила на пару комментариев, проверила, нет ли новостей на сайтах любителей изобразительного искусства. Даша любила общаться в сети – это гораздо проще, ведь там тебя никто не видит, а фото можно и не выкладывать...

Задвинув в стол клавиатуру, она занялась новым рисунком. В детстве Даша ходила в художественную школу, где делала большие успехи – ее работы даже отсылались на международные выставки. Родители гордились ею, и в семье как-то само собой решилось, что дочь, когда вырастет, поступит в Институт искусств, будет учиться на художника. Но потом случилась эта страшная авария, и привычный уютный мирок Кругловых развалился, перестал существовать... Художественную школу Даша все же окончила, но когда пришло время выбирать будущую профессию, решила поступать в Экономический университет, благо по баллам проходила на любую специальность. Искусство теперь казалось ей чем-то эфемерным, ненадежным, доступным только людям из обеспеченных семей. Где взять денег молодому художнику? Как пробиться, начать зарабатывать? Висеть на шее у брата не хотелось. А экономическая специальность давала возможность неплохо устроиться в жизни. Тем более что Сергей одобрил выбор сестры, сказав, что после выпуска сумеет помочь с работой.

Так что теперь рисование перешло в разряд хобби, заня-

тия для души по вечерам. Это было любимое Дашино время. Все дела переделаны, на столе горит лампа, на кровати довольно мурлычет кот, и можно погрузиться в выдуманный мир, забыть обо всем, что случилось за день.

Больше всего ей нравилось рисовать карандашом – портреты, сценки из фильмов. Стол был завален листами, с которых смотрели лица героев вампирских саг. Если бы Дашу спросили, что именно ее привлекает в этих незамысловатых историях, она бы ответила: любовь. Именно это главное. Красивый, таинственный незнакомец, который обращает внимание на самую обычную, ничем не выделяющуюся из толпы девушку, и их чувства, которые будут длиться вечно. Вечная молодость и любовь – разве это не прекрасно? Ради них стоит принять дар бессмертия.

Но почему-то в последнее время все чаще под ее карандашом вместо совершенных бледных лиц появлялось живое, улыбающееся лицо Дениса...

Перевалило за полночь, а брат все не возвращался, но Даша, увлеченная работой, не обращала внимания на время. Мурза, проснувшись, потянулся, немного подумал, потом требовательно мяукнул. Хозяйка не спешила оборачиваться. Недовольный тем, что она не проявляет к нему должного внимания, кот стек с кровати, вальяжно подошел к столу, потерся о ножки кресла – Даша не реагировала. Попятившись назад, Мурза переступил с лапы на лапу, примериваясь, как прыгун перед взятием новой высоты, и одним легким дви-

жением вознесся на столешницу. Хозяйка, оторвавшись от непонятного занятия, вздрогнула и рассмеялась. Удовлетворенный произведенным эффектом, кот важно прогулялся от края до края стола, помахивая воинственно поднятым хвостом, затем плюхнулся прямо на рисунок. Мол, прекращай дурью маяться, лучше почеси за ушком. Даша почесала. Мурза усиленно затарахтел, прикрыл хитрые глаза и задремал.

Рассеянно поглаживая кота, она бросила взгляд на стену, где висели круглые часы. Половина первого. Странно...

– Загулял наш Сережка, – сказала она коту, – ну, пора спать, малыш...

Мурза прищурился, недовольный тем, что его потревожили, и не пошевелился. Даша выключила верхний свет и настольную лампу, оставив гореть слабый ночничок над кроватью, принялась расстилать постель.

Сильный порыв ветра ударил в окно. Задребезжал металлический козырек над балконом, жалобно заскулило где-то в стене, в вентиляционных трубах. Зашумели деревья в скверике у дома. Кот вскочил, выгнулся, вздыбил шерсть, прижал уши и, неотрывно глядя на занавешенное плотными шторами окно, зашипел.

– Чего ты, дурачок? – улыбнулась Даша.

Но Мурза не успокаивался. Шипение перешло в утробный воинственный вой, в котором явственно слышался первобытный ужас и обещание отстаивать свою жизнь, каким

бы страшным ни был враг. Даше сделалось не по себе. Она понимала, что бояться нечего: третий этаж, ни один грабитель забраться не сумеет. И все же ей было жутко.

– Прекрати, – строго сказала она, – ты же знаешь: это просто ветер...

С этими словами девушка подошла к окну, отдернула штору и замерла, не в силах даже отпрянуть. Ноги подкосились, руки словно онемели. Дикий крик, родившийся где-то в самом сердце, поднялся к горлу и встал сухим комом, мешая дышать.

Под тусклым светом пробивавшейся сквозь туман луны она увидела большую размытую темную тень, прильнувшую снаружи к стеклу. Темный силуэт шевелился, ворочался на козырьке, и казалось, он колышется, преобразается, меняет форму. Неподвижными, яркими, были только звериные глаза, смотревшие прямо на Дашу.

Одноэтажный, выкрашенный веселой лимонно-желтой краской особнячок дореволюционной постройки выглядел симпатично и уютно. Он был обнесен аккуратным заборчиком и окружен деревьями. Летом дом утопал в зелени, а сейчас выплывал из вечернего синеватого тумана, ярким праздничным пятном выделяясь на фоне черных стволов.

Оставив машину за оградой, Сергей вошел в ворота, которые почему-то были гостеприимно распахнуты, пересек посыпанную гравием парковую дорожку и остановился перед

дверью с неприметной табличкой «Морг».

– Привет. – Откуда-то из тумана возник хмурый Вовка, протянул руку. – Готов?

Сергей ответил на рукопожатие, молча кивнул. Разве можно быть готовым к такому? Он приехал один, родителям девушки звонить не стал: люди пожилые, у Антона Петровича больное сердце. Алиса у них – поздний и единственный ребенок. Сергей решил не беспокоить их, пока сам не увидит тело. Ведь это же еще неточно... Вовка сказал: «Похожа». Мало ли на свете девушек, похожих на Алису. Смерть меняет людей иной раз до неузнаваемости. Зачастую труп находится в таком состоянии, что его трудно опознать, к тому же друг видел только фотографию.

Вовка нажал на кнопку звонка, вскоре дверь распахнулась: на пороге стоял здоровенный мрачный мужик в темно-синем хирургическом костюме. «Интересно, а бывают улыбчивые санитары морга?» – вдруг невесть откуда всплыла идиотская мысль.

Мельком взглянув на Вовкино удостоверение, санитар молча развернулся и быстро пошел по тускло освещенному, пахнущему формалином белому коридору. Мужчины двинулись за ним. «Бог... или боги... кто там есть? Только бы не Алиска, – твердил про себя Сергей. Монотонно, в такт шагам, гулко отдававшимся в пустоте коридора, молил неизвестно кого: – Только бы не Алиска...»

«Там, высоко – нет никого, там так же одиноко, как и

здесь...»⁶ – издевкой над его мыслями прозвучал телефонный звонок.

– Трупохранилище, – бросил санитар, отпирая металлическую, словно ведущую в бункер дверь.

– Даш, ты не жди меня... Дела, – торопливо буркнул в трубку Сергей.

В помещении царил холод. Пол и стены до самого потолка покрывала старая, видно оставшаяся еще с советских времен белая плитка. Поблескивающий под тусклым светом боками из нержавеющей новенький «сейф» с ячейками странно диссонировал с растрескавшимся кафелем. У противоположной стены стояли обшарпанные каталки, накрытые ветхими простынями, под которыми угадывались очертания тел.

Санитар посмотрел поданные Вовкой документы, буркнул:

– Там она. Мест не хватает... – Подвел посетителей к одной из каталок и взялся за край простыни.

Но Сергей смотрел не на лицо. Сероватая ткань съехала в сторону, открыв ноги покойницы. Узкие лодыжки, на левой – тонкая ниточка шрама, алый лак на ногтях... Алиска любила все яркое, но современная мода диктовала естественность, да и дресс-код банка не приветствовал броские тона. Вот она и сделала яркий педикюр, смеялась: «Все равно, кроме нас с тобой, никто не увидит»...

Не помогла молитва. Мир вокруг замер, время остано-

⁶ Слова из песни «Там, высоко...» группы «Ария».

лось, куда-то исчезли люди, и не осталось ничего, кроме этой убогой комнаты и тела под старенькой простыней. И сил не было поверить. Казалось, это происходит не с ним – настолько замедленно-отстраненно виделось все вокруг.

– Оpoznавать будете? – равнодушный голос санитара.

Вовкина рука тяжело легла на плечо. Сделав над собою чудовищное усилие, Сергей повернул голову.

Первое, что он увидел – золотистые Алисины волосы, спутанные, утратившие обычный блеск, на концах слипшиеся грязными бурыми сосульками. Он смотрел, силился понять и все равно не понимал: «Что у нее с шеей?» Голова девушки была неестественно вывернута под странным углом, шея превратилась в окруженное лоскутами кожи кровавое месиво, из которого торчали сероватые хрящи вырванной гортани.

Странно, дико, но выражение окровавленного лица было умиротворенным. Глаза закрыты, словно Алиса не умерла, а уснула, на губах застыла слабая улыбка.

– Пойдем, Серега... – Вовкина рука сжала плечо.

– Вещи смотреть будете? – поинтересовался санитар, хозяйски прикрывая Алисино лицо. – А то они на складе...

– Нет, – с болезненным хрипом вырвалось из пересохшего горла.

– Может, воды или спирта? – с неожиданным сочувствием спросил санитар.

Сергей отрицательно помотал головой. Этот незамысло-

ватый жест снова запустил движение мира вокруг него...

Дальнейшее не то чтобы стерлось из памяти, но слилось в сплошную серую полосу. Вовка, спрашивавший: «Ты как? Может, с тобой поехать?» Его собственный отказ. Бумаги, которые ему пришлось подписать. Потом поездка к Алисиным родителям – он не мог допустить, чтобы о случившемся они узнали из звонка чужого человека. Антон Петрович, схватившийся за сердце, тихий, беспомощный, детский какой-то плач Елены Сергеевны. Ему пришлось вызывать «скорую», подождать, пока подействует укол, потом долго сидеть с Алисиной матерью, боясь взглянуть в ее горестные глаза, ощущая иррациональное чувство вины. Ведь если бы не та ссора, ничего не случилось бы. Не уберег...

Домой Сергей вернулся около четырех. Открыл дверь своим ключом, сразу прошел в ванную, скинул одежду и встал под душ. Смыв с себя едкий формалиновый запах, который, чудилось, пропитал его всего, тихо, чтобы не разбудить Дашу, пробрался на кухню. Достав из холодильника бутылку водки, стоявшую там с незапамятных времен, взял с полки чайную чашку, набулькал половину, потом подумал и долил до верха. Резко выдохнув, опустошил посудину в три больших глотка, посидел немного, ожидая, когда теплая волна разольется по телу, ударит в голову, затуманивая разум, растопит ком в горле. Тепло ощутил, а вот шума в голове – нет. Мысли оставались ясными, и глотать все так же было больно.

– Не берет... – пробормотал Сергей, нюхая водку: не вы-

дохлась ли? – Повторим...

Но, повертев бутылку в руках, убрал обратно в холодильник, поняв: бесполезно. Бесполезно. Нельзя пить с горя. Не поможет.

Почему-то стало очень важно посмотреть на Дашку. Вот прямо сейчас, сию минуту, просто так. Увидеть взлохмаченные прядки русых волос, торчащие из-под одеяла, услышать ее мирное сопение и мурлыканье кота. Убедиться, что с нею все в порядке, хоть на мгновение погрузиться в спокойный, благополучный мирок.

Тихо отворив дверь, Сергей заглянул в комнату сестры. Уютно горел ночничок, отбрасывая бледный круг оранжевого света. В этом круге на полу, раскинув руки, лежала Даша. Глаза девушки были закрыты, грудь едва заметно вздымалась в ровном дыхании. Рядом, нахохлившись и распушив шерсть, поджав под себя лапы, дремал Мурза.

На губах Даши блуждала слабая улыбка, вдруг ошпарившая Сергея ужасом: так она напомнила выражение другого, мертвого, лица...

Шепотом выругавшись, он бросился к сестре.

Из истории рода делла Торре

Милан, год 1180 от Рождества Христова

Дом графа делла Торре снова был погружен в уныние. Снова фра Никколо служил мессы во исцеление, мессэре Чиприано хмурился и советовался с астрологом, пытаясь по-

ставить диагноз больному, а слуги и рабы пугливыми стайками собирались в коридорах замка, шепотом передавая друг другу: в семье делла Торре завелся убийца. И только двое не повторяли этих сплетен: верный слуга Луиджи, тот самый, который подменял рыбу для Амедео, и чернокнижник Руджеро, работавший у герцога в лаборатории. Их обоих Паоло когда-то откупил от костра, и душегубы были по-собачьи преданы своему спасителю.

Лекарь и сам заподозрил бы, что неведомый злодей, убивший Амедео, теперь принялся за Паоло. Если бы симптомы у больных не были настолько разными.

Его светлость заболел в день похорон старшего брата: вдруг сделался вялым, бледным, перестал проявлять интерес к жизни и целыми днями дремал. Потом граф отказался от еды. А если, поддавшись уговорам, он все же с трудом проглатывал какую-нибудь пищу, то тут же извергал ее обратно. Он худел, истаивал прямо на глазах. Щеки ввалились, губы сделались белыми, склеры глаз, напротив, покрылись красными прожилками лопнувших сосудов. Руки и ноги на ощупь были ледяными, как у покойника. За неделю сильный, пышущий здоровьем мужчина превратился в беспомощного старика.

Странно, но, видимо, у его светлости ничего не болело. Он просто ослабевал и сох. Кровоопускание больной делать отказался, сославшись на головокружение, глотать лекарства тоже не мог: от них его рвало. Растерянный врач уже не знал,

как лечить графа. Астролог тоже ничего не мог посоветовать, звезды вставали в самые причудливые сочетания, и гороскоп Паоло делла Торре через день то пророчил скорую смерть, то сулил непомерно долгую жизнь.

Паоло и сам чувствовал, что умирает, и ждал этого – безразличный, безучастный. Он алкал власти, но она прошла мимо. Из-за болезни Паоло подестой Милана был избран Маттео Висконти из рода извечных соперников делла Торре. Паоло хотел богатства, но даже за все золото мира не мог купить себе жизнь. Он вожделел мадонну Анджелику, но теперь, когда она оказалась беззащитна перед его страстью – загнанная лань, трепещущая перед охотником – у него не осталось ни сил, ни желаний. Лишь любовь все еще жила в его сердце – больная, уродливая, вскормленная кровосмесительным плотским желанием, но неистребимая. И как же удивился бы его светлость, узнай он, что мадонна Анджелика в своих покоях день и ночь проливает слезы, моля Бога об исцелении убийцы своего мужа, потому что страсть Паоло дала робкие ростки и в ее душе.

Оставалась надежда лишь на Божье чудо, ежечасно вымаливаемое фра Никколо. Целыми днями больной спал и просыпался только во время месс, слабым стоном извещая о своем пробуждении. Священник, вдохновленный этим свидетельством действенности его молитв, готов был служить мессы не только днем, но и ночью. Однако его светлость тайком попросил мессэре Чиприано уговорить фра Никколо не

делать этого. Физик согласился с тем, что больному необходимо отдыхать по ночам, сумел договориться со священником и распорядился, чтобы слуги не беспокоили графа без его на то желания.

Близился вечер. Паоло лежал на постели, сложив на груди иссохшие бледные руки, погрузившись в дрему. Во сне перед его взором мелькали странные образы, гримасничали уродливые лики, слышались дикие звериные завывания. Граф хотел проснуться, но не сумел. Эти видения преследовали его каждый день, мучили страхом и непонятными, темными желаниями. А потом истаивали во тьме, и вдруг перед ним словно оживали древние языческие мифы. И тогда мнилось ему широкое распаханное поле, залитое светом полной луны. И на нем били в тимпаны, играли на свирелях козлоногие сатиры, и прекрасные обнаженные вакханки кружились в бешеном танце, славя своего безумного бога. Поражая себя кинжалами в сосцы, подносили к упругим грудям золотые чаши, и кровь, в жемчужном свете похожая на молодое вино, текла тонкими струями, пенилась, издавая пряный, дурманящий аромат. И кто-то – то ли звери, то ли люди – припадали к чашам, глотая кровь, как божественный нектар. Вакханки, полные страсти и желания, хохоча, обвивали руками зверолодей, прижимали к груди, чтобы те вкусили живой крови, и сами впивались зубами в их шеи, одновременно насыщаясь и насыщая. И десятки, сотни, тысячи обнаженных пар сплетались на жирной, мягкой, словно по-

стель, земле. Яростные, животные крики мужчин сливались со сладкими женскими стонами, рождая музыку экстаза. И кровь стекала с тел на землю, питая ее, принося самую древнюю, самую прекрасную жертву...

Паоло дрожал во сне, не понимая, что происходит, страшась увиденных картин, но испытывая непреодолимую тягу к вакханкам, которые манили его, звали за собою... Но тут в сон врвался голос фра Никколо, возносившего христианскую молитву, и видения рассыпались пылью, истаивали в темноте. Граф просыпался, но не мог выйти из странного оцепенения. Месса кончалась, священник тихо выходил, и все начиналось сначала.

Но сегодня мягкий голос, произносивший молитвы, почему-то причинял боль, словно острую раскаленную иглоу вонзаясь в мозг. И вакханки не испугались, не ушли из сна. Разъяренные вмешательством в ритуал, обнаженные женщины скалились, показывая острые клыки. Из окровавленных ртов вырывалось злобное шипение. Ноги вакханок обрастали чешуей, превращались в мощные змеиные хвосты, и вот уже не прекрасные жрицы древнего бога стояли перед Паоло, но жуткие ламии, гипнотически раскачиваясь, заворачивали жертву...

– Benedicat tuae omnipotens Deus, Pater, et Filius, et Spiritus Sanctus. Amen⁷, – произнес фра Никколо, и эти слова невы-

⁷ Да пребудет с тобою благословение Божье: Отца, Сына и Духа Святого. Аминь (лат.).

носимой мукою отдались в теле, обдали душу ужасом.

Из последних сил он сдерживал стон, почему-то зная, что не должен показывать эту боль. Вскоре священник вышел, и Паоло наконец сумел пошевелиться. Он впился зубами в подушку, сдерживая рвущийся наружу дикий крик. Первая волна боли схлынула, и граф долго еще лежал, впившись скрюченными пальцами в одеяло, пытаясь прийти в себя.

Наступила ночь. Плотно занавешенные окна и днем не пропускали ни лучика света, в комнате всегда царил полумрак, освещенный огоньками свечей. Но Паоло откуда-то точно знал: наступила ночь.

Ночью ему легче дышалось, исчезали слабость и безразличие. Ночь даровала облегчение, возвращала силы и гибкость измученному телу, приносила свежесть и ощущение какого-то незримого полета. И тот, кто увидел бы графа со стороны, удивился бы его бодрому виду. Но вместе с ночью приходило и странное чувство то ли голода, то ли жажды.

Сегодня это было особенно сильно. Паоло поднялся с постели, подошел к столу, на котором стояла позолоченная ваза, полная винограда разных сортов. Тугие кисти с прозрачными бледно-зелеными, красно-фиолетовыми, почти черными матовыми ягодами, уложенные красивою башней, способны были пробудить аппетит у любого. Отщипнув ягоду, граф положил ее в рот, раздавил на языке, и тут же согнулся в приступе рвоты. Между тем голод усиливался, скручивая внутренности, перехватывая пересохшее горло судорогой и

вызывая неясное, томительное возбуждение. Паоло содрогнулся и глухо застонал в предвкушении какого-то запретного, извращенного наслаждения.

Скрипнула дверь. Граф вздрогнул, отступил в тень, заслонив рукою лицо, понимая, что его выражение способно привести в ужас кого угодно. В покои вошла мадонна Анджелика. Остановилась в шаге от порога, огляделась и, увидев Паоло, робко улыбнулась:

– Вам лучше, ваша светлость! Господь услышал мои молитвы...

Граф не опустил руки, пряча дьявольскую ухмылку, искривившую его губы при упоминании имени Божьего. Он сам не понимал, что происходит, лишь ощущал, как в душе нарастает непонятное волнение.

– Ваша светлость... – тихо прошептала мадонна Анджелика, – ваша светлость... Паоло...

Амедео был добрым и справедливым мужем, и она была счастлива с ним, как счастлива дочь рядом с заботливым отцом. Но молодая супруга никогда не ощущала себя женщиной. Ласки Амедео лишь дразнили ее, но не удовлетворяли, оставляя мучиться смутными желаниями. А в последние три года Амедео и вовсе утратил мужскую силу. Мадонне Анджелике, вошедшей в пору женского цветения, по ночам оставалось лишь метаться на горячей постели, грезя о крепких объятиях. И как же обжигали ее днем безумные, полные страсти взгляды Паоло! Потом она раскаивалась, бросаясь

на колени, молила Бога о прощении. Но сладкий яд желания продолжал проникать в ее жилы, отравляя кровь и разум.

Медленно, на подгибающихся от страха ногах она подходила к тому, о котором так мечтала долгими ночами. Как она боялась, что Паоло умрет, как плакала, моля Господа о его спасении!

– Паоло... – лепетала она, чувствуя радость уже от одного звука его имени.

– Уйди... – хрипло проговорил граф, не открывая лица.

Мадонна Анджелика, словно наткнувшись на каменную стену, остановилась, пораженная не словом, но мукой, звучащей в его голосе. Уйти? Но почему? Разве он не желал ее, разве не провожал пожирающим взглядом каждое ее движение? И вдруг молнией женщину поразила мысль: великодушный граф заботится о ее чести! Мадонна Анджелика решилась: пусть случится то, чего она так жаждала. Пусть одна ночь, пусть потом – позор, презрение, забвение... Но Паоло должен узнать о ее любви и подарить ей страсть. Пусть позволит ей узнать женское наслаждение...

Шаг, всего один шаг – и граф делла Торре, не в силах больше сдерживать снедающее его желание, прыгнул вперед, схватил мадонну Анджелику, крепко сжал в объятиях и повалил на пол. Выгибаясь в его руках, юная женщина ликуя, закричала, почувствовав, как холодные губы впиваются поцелуем в ее шею...

Паоло обезумел от блаженства, полностью растворился в

нем, забыв о времени, и очнулся, лишь ощутив, как под ним содрогнулось прекрасное тело возлюбленной. Его переполняли силы, чувство непонятного голода немного отступило, а на губах остался терпкий, солоноватый, восхитительный вкус. Осторожно отпустив мадонну Анджелику, граф любовался ее милым, умиротворенным лицом, на котором застыла счастливая улыбка. Глаза женщины были закрыты, она словно крепко уснула. Паоло скользнул взглядом ниже и отпрянул: на белой шее красавицы багровели две округлые ранки, из которых сочилась алая кровь. Только теперь он заметил, что мадонна Анджелика не дышит...

– Она мертва, – произнес гулкий, низкий голос.

Затрепетав в безотчетном ужасе, граф оглянулся, но никого не увидел.

– Она мертва, – повторило невидимое существо. – Ты принял первое причастие.

Паоло медленно вытер губы, поднес руку к лицу: на ладони алели полосы свежей крови. Он сам только что остановил любящее сердце, сам оборвал единственную ниточку, связывавшую его с прошлой жизнью. Не сводя взгляда с мадонны Анджелики, граф тихо завыл.

– Так ступай и доверши начатое, чтобы возродиться для новой, вечной жизни. – Холодный голос пронзал душу ледяными иглами, превращая ее в камень.

Голод усиливался, нарастал, и скоро терпеть его уже стало невозможно. Паоло жадно слизнул с ладони кровь мадонны

Анджелики, наслаждаясь острым медным ароматом. Пальцы рук хищно скрючились, ногти удлиннились и почернели, глаза налились кровью, верхняя губа вздернулась в зверином оскале, обнажая заострившиеся белоснежные клыки. Издав яростный рык, то, что еще недавно было графом делла Торре, одним прыжком преодолело расстояние до двери и выскочило из покоев.

На четвереньках, словно странное, страшное животное, он стремительно неся по коридорам, ведомый нюхом, безошибочно подсказывавшим, где находятся люди. Он забыл прошлую жизнь, не помнил ни привязанностей, ни вражды. Он даже не помнил лиц тех, кто когда-то был его семьей. Остались только голод... жажда... ставшие единственным смыслом существования. Сладкий запах человеческих тел, в которых текла драгоценная влага, дарившая насыщение, манил его, дразнил, приводил в неистовство. Тварь вышла на охоту.

Первой жертвой стала мадонна Ортензия. Когда существо появилось в дверях супружеской опочивальни, несчастная крепко спала. Она не успела даже вскрикнуть – острые когти впились в податливую плоть, длинные клыки вспороли шею, перервав артерию. Жадно чавкая и постанывая от нетерпения, тварь припала к ране, высасывая кровь. Спустя несколько мгновений все было кончено: оставив истерзанный труп, ночной зверь понесся дальше. Кровь немного утолила жажду, прибавила сил, но охотничий инстинкт требовал новых

жертв.

Младший сын Паоло делла Торре, тринадцатилетний Лучано сумел увернуться от первого нападения и попытался выбежать из своих покоев, звал на помощь, но чудовище настигло его у самых дверей. Старший сын – красавец Джачинто – успел выхватить меч и даже смог какое-то время держать неведомого врага на расстоянии. Но тварь взвилась в невозможно высоком прыжке и одним ударом лапы оторвала юноше голову, подставив пасть под поток крови, упиваясь, купаясь в ней...

Зверь неся к следующим покоям, из которых до его чуткого носа доносился запах человечины. Он разбежался было, чтобы выбить дверь, но вдруг она распахнулась сама. На пороге стоял фра Никколо, в длинной белой рубаше и ночном колпаке. Он держал перед собою распятие.

– Изыди! – громко произнес священник. – Изыди, порождение Сатаны!

Тварь ответила грозным ревом и прыгнула на человека. Распятие вдруг окуталось ярким синим свечением, от которого отделилась молния и ударила в чудовище. Жалобно завывая, обессиленное существо покатилося по каменному полу. Фра Никколо, нараспев произнося слова молитвы, вновь поднял распятие. Зверь заскулил, предчувствуя скорую смерть. Ослепленный, он не видел, как из темноты выступила громадная фигура. Мощный кулак ударил священника в лицо, раскровенил рот, оборвав молитву. Тяжелая ру-

ка вырвала распятие, толкнула фра Никколо обратно в покои и наложила на дверь крепкий засов. Неожиданный спаситель твари снова отступил в тень, и вскоре в коридоре раздалось гулкое эхо его удаляющихся шагов.

Медленно, с трудом, существо приходило в себя. Так и не осознав, что произошло, ползло по полу на запах людей. Одержимое одним желанием – вернуть утраченные силы – оно искало самую легкую, самую беззащитную жертву...

Маленьким близнецам Витторио и Алессандро больше не суждено было проснуться. На полу рядом с их кроватками остались лежать искалеченные трупы нянек.

Существо выло и рычало, торжествуя удачную охоту, опять чувствуя себя всесильным, бесновалось в темных коридорах дворца. Оно убивало снова и снова. Слуги и рабы, шуты и шутихи, повара и поварята, многочисленные приживалки, придворный астролог и физик мессэре Чиприано – все стали его добычей. Этой участи избежали только фра Никколо, запертый в своих покоях, – к нему зверь пойти побоялся, и Луиджи с Руджеро, которые вовремя убежали и спрятались в кладовой с припасами. Подвешенные к потолку свиные и коровьи туши издавали тяжелый мясной дух, сквозь который тварь не сумела учуять запах людей.

Под утро, насытившись, раздувшись от крови словно пиявка, существо поползло в покои Паоло, как хищник после охоты возвращается в свое логово. Сыто отрывивая, улеглось рядом с телом мадонны Анджелики и забылось сном...

Широко стелилось распаханное поле под жемчужным светом луны. Только теперь уже не плясали здесь прекрасные вакханки. Вместо них извивались, переплетаясь толстыми змеиными хвостами, омерзительные ламии. Вдруг они пали ниц, смиренным шипением приветствуя своего господина, соткавшегося из тьмы. Он был черен и безлик, но его леденящий голос Паоло узнал бы из тысячи:

– Ты принял причастие Мое и прошел посвящение Мое. Теперь умри и встань возроденным. Живи вечно и славь Мое имя. На гибель роду человеческому да пребудет с тобою дар искушения и право преображения. И да не остановят тебя ни мрак ночи, ни свет дня. Отныне соблазняй и изменяй, идя по миру под знаменем Зверя.

Паоло вздрогнул, пробуждаясь ото сна. Взглянул на свои руки, покрытые коркой засохшей крови. Память сохранила и момент превращения в нечто ужасное, и все подробности ночного пиршества. Сейчас руки снова сделались человеческими, и жажда больше не терзала его. Вскочив на ноги, граф подошел к лежавшему на столе зеркалу из отполированного серебра. Попытался поднять его, но отпрянул, зашипев от боли. Сияющий металл пошел волнами, исказился, и Паоло увидел свое отражение.

Над мертвым дворцом, гулко отдаваясь от каменных стен, разнесся его дикий, тоскливый, похожий на завывание зверя хохот.

Глава 2

Владивосток, ноябрь 2009 года

– Так... – Вовка раскрыл меню и принялся деловито перечислять: – Мне креветочный супчик, жареный кальмар в кляре и набор... вот этот. – Он ткнул пальцем в цветную книжицу, где рядом с названиями были фотографии самих блюд. – Тебе что?

Сергей неподвижным взглядом смотрел на расписанную под японские гравюры перегородку.

– Серега, – осторожно позвал Вовка, – Серега.

Не добившись ответа, перегнулся через стол, похлопал друга по плечу, и тут же чуть не отпрянул – такая злая тоска была во взгляде Сергея. Глаза, окруженные синевой, как будто ввалились, и без того худощавое лицо еще осунулось, вокруг рта обозначились жесткие носогубные складки...

– Ему то же самое, – сказал Вовка, отпуская официанта.

Алису похоронили два дня назад. Антон Петрович попал-таки в больницу с сердечным приступом, Елена Сергеевна, похоже, была не в себе: часто замолкала посреди разговора, удивленно глядя на собеседника, будто не понимая, где она находится, или отвечала невпопад. Сергей написал на работе заявление об отпуске и сам занялся организацией похорон. Хотя бы это он должен был сделать для Алисы.

Как положено по обычаю, девушку хоронили в белом пла-

тье и фате. На этом особенно настаивала Елена Сергеевна. И Сергею пришлось ехать в свадебный салон, покупать наряд под изумленными взглядами продавщиц и будущих невест – ведь это дурная примета, когда жених видит платье до свадьбы... Но не замечая, как смотрят на него девушки, он ходил вдоль длинного ряда манекенов и кронштейнов с вешалками, мучительно соображая, какое из платьев понравилось бы Алисе. Почему-то он хотел, чтобы подвенечный наряд был непременно в ее вкусе. Ведь она так мечтала стать невестой... И Сергей, остановившись у очередного каскада шелка, кружев и цветов, пытался представить любимую в этом произведении портновского искусства. Получалось плохо: он ни черта не смыслил в женских тряпках. И еще: вместо живой Алиски в белом платье перед мысленным взглядом возникало истерзанное тело...

«Красавица-то какая, невеста, как живая...» – шептались, утирая искренние слезы, женщины на похоронах. Волосы девушки отмыли от крови и украсили фатой, страшную рану на шее прикрыли чем-то воздушным, бледное лицо нарумянили. Сергею казалось, что в гробу лежит кукла. Фарфоровая, завитая и накрашенная, улыбающаяся.

Дашка все эти дни старалась поддержать его, но не умела найти слов. А на кладбище он сестру не взял. После того странного обморока берег ее нервы. И еще: почему-то Сергею в голову втемяшилось, что убийца Алисы может прийти на ее похороны. Даже думать не хотелось, что этот урод

может находиться рядом с сестренкой. На кладбище Сергей незаметно оглядывался, но никого подозрительного не заметил. А потом, сидя на поминках, все соображал: зачем нужен обычай есть и пить после похорон, когда близкие покойного и сами едва живы от горя? И только позже, когда все разошлись, понял: наверное, для близких и нужен. Чтобы не сразу оставались наедине со своей болью. Потому что дальше стало только хуже. Заторможенность, со стороны похожую на безразличие, сменили острое ощущение потери, чувство вины, выворачивающая душу жалость к Алисе, которая лежит теперь в сырой, каменистой земле Морского кладбища... Спустя пару дней к этой мешанине мыслей, образов и чувств прибавились ярость и ненависть к убийце. И желание знать правду. Тогда Сергей снова позвонил Вовке.

Японский ресторанчик «Сакура», располагавшийся неподалеку от Дашиного универа, как нельзя лучше подходил для встречи с другом. Во-первых, Сергей по опыту знал, что после работы измученный, голодный опер мечтает о трех вещах: тарелке чего-нибудь горячего, бутылке пива и удобном диване. Здесь все это имелось. Во-вторых, заведение было дороговато для людей с бюджетной зарплатой, что исключало появление в нем Вовкиных коллег. А сегодня это было важно, ведь то, на что Сергей собирался уговорить друга, было незаконно и могло стоить тому карьеры.

Он старался загнать горе в самую глубину души, не дать ему завладеть разумом. Сосредоточиться на скорби сейчас

было бы непозволительной роскошью. Нужна была холодная ясность мыслей. И Сергей стискивал зубы, гнал от себя воспоминания, боль и растерянность, свойственную тем, кто потерял любимого человека. У него получалось, во всяком случае, он вполне сносно сосредоточился на плане действий. Лишь иногда горе прорывалось – резким словом, неожиданным жестом или, как сейчас, пустым взглядом.

– Как дела? – спросил Сергей, когда Вовка, утолив первый голод, откинулся в ожидании следующего блюда.

– Да так... – неопределенно протянул тот.

Друг был одним из тех, кто работал по делу об убийстве Алисы. Как бывший опер, Сергей отлично понимал, что Вовка не имеет права рассказывать о ходе следствия. Статья триста десятая Уголовного кодекса. И точно так же он понимал, что Вовка не откажет в помощи.

Кое-что Сергей уже узнал сам, когда его вызвали на допрос в Пушкинский РОВД. Следователь Александра Михайловна Свириденко, имевшая репутацию жесткой и въедливой, но неподкупной стервы, задала положенный в таких случаях вопрос о том, где он провел ночь с пятницы на субботу, отобрала подписку о невыезде и отпустила.

Тело Алисы нашли на Маяке. Так горожане называли окраину Владивостока, юго-западную часть полуострова Шкота, от которого почти до середины пролива Босфор Восточный тянулась длинная тонкая коса – Токаревская коса. На самом ее конце стоял маленький белый маячок – точ-

ка, где заканчивался материк. Дальше лежало только море, с которого начинался Тихий океан.

Пляж Маяка был одним из любимых мест отдыха владивостокцев, и в солнечные летние дни весь берег был занят загорающими и веселящимися компаниями. Зимой со всего города к замерзшему проливу собирались любители подледного лова – здесь отлично клевала корюшка.

А вот в ноябре на Маяке было малоллюдно. Прогуливаться по берегу, обдуваемому стылým морским ветром, желающих не имелось. Только жители нескольких дорогих коттеджей, построенных прямо у моря, выводили здесь собак.

Вдоль береговой линии на запад полуострова змеилась ухабистая дорога, упиравшаяся в крошечную автозаправку. Чуть выше к склону сопки прилепился одинокий заброшенный дом, полуразрушенный, стоявший здесь неизвестно с каких времен. Вот рядом с этим домом и лежала Алиса. Ранним утром в воскресенье ее нашел собачник из коттеджа, решивший побаловать своего стаффа долгой пробежкой. Сам хозяин ехал в машине на малой скорости, а пес на длинном поводке радостно бежал рядом. Вдруг стафф рванулся в сторону, едва не придушив себя ошейником. Выйдя из автомобиля, мужчина увидел распростертое на каменистой земле тело девушки и тут же позвонил в милицию.

При Алисе не нашли ни сумочки, ни телефона. К тому же кто-то снял с нее все золотые украшения.

Сергей прекрасно понимал, что следователи и опера за-

гружены, и на каждом из них висят десятки дел, но хотел сам услышать, как идет расследование, что предпринимается для поиска убийцы. И как профессионал, он желал знать подробности.

– Возможных свидетелей опросили?

Ловко поддев палочками ролл, Вовка пожал плечами:

– Опросили... толку-то. Никто ничего не видел и не слышал. И неудивительно: место глухое, коттеджи далековато, а на заправке у дежурного день и ночь музон орет как сумасшедший.

– А дом?

– Дом... было там, видать, бомжовское логово. Но сейчас пустой.

– Персонал «Колизея»?

– Девушек они помнят. Подруги Алисы вообще частые гости. Но вот когда и с кем они ушли – ни официанты, ни бармен, ни охрана не видели.

– Что, никаких новостей? – настойчиво переспросил Сергей.

Друг помялся, потом сообщил:

– Знаешь, дело ведь закрыть хотели...

– Как это?

– А так. По заключению судмедэксперта, рана на шее нанесена не оружием, а зубами животного. Похоже, собака ее загрызла.

Сергей не поверил своим ушам. Какая собака могла такое

сделать? Разве что...

– Там все чисто, – опередил его вопрос Вовка, – коттеджи проверили, у всех жителей железное алиби. И у псов, кстати, тоже.

– А сумку тоже собака украла? И золото?

– Тело могли потом ободрать. Бомжи или подростки...

– Но ран на руках и ногах нет.

Даже если бы на Алису напала собака, девушка не стала бы стоять и покорно ждать, пока ее загрызут! Непременно закрывалась бы руками, пыталась отбиться, убежать. Но он же видел в морге: никаких укусов, ссадин, царапин на теле Алисы не было!

– И одежда, факофф, целая, – мрачно подтвердил Вовка. – И обувь.

– А следы от падения: гематомы, ушибы?

– Нет.

– Такого просто не бывает!

– Может, и бывает, – сделав глоток пива, вздохнул друг, – если, к примеру, натравили на связанную. И если собака была натаскана прямо в горло впиваться. Только вряд ли. Следов от веревки или наручников на запястьях нет.

– Может, наркотики? – предположил Сергей, вспомнив странное поведение Леночки и Ирины.

– Анализы из лаборатории еще не пришли, – недовольно ответил Вовка, рассеянно помешивая палочкой соевый соус. – И неизвестно, когда придут. Сам знаешь, какие там за-

валы...

Сергей кивнул, соглашаясь.

— Ну а наш бардак ты сам помнишь, — продолжил друг. — Скинуть с плеч хоть одно дело — да все только счастливы будут! Опять же статистика раскрываемости...

— Ну и почему не скидываете? — Чувствовалось, что Вовка что-то недоговаривает.

— Факофф! — злобно выдал тот. — Это не первое такое убийство. Серия у нас.

Сергей молчал, стиснув зубы, глядя в одну точку, и ждал продолжения. В самом факте нападения собак на человека, как это ни прискорбно признавать, не было ничего удивительного. Во Владивостоке бродячих псов водилось в избытке. Власти это почему-то ничуть не волновало. Иногда величина собачьей популяции переходила все мыслимые границы, животные сбивались в стаи и в буквальном смысле слова охотились в ночном городе. Случались и нападения на людей. В таких случаях отцы города спохватывались, выступали по телевидению, объявляли очередную кампанию по борьбе... Отлавливалась парочка стай, и на этом шумиха затухала до следующего несчастья.

Только вот не похоже это было на нападение собачьей стаи. Сергей один раз видел фото бродяжки, загрызенного псами на городской свалке. Его изодранное тело превратилось в бесформенную окровавленную кучу, а руки и лицо были объедены до кости — собаки убивали не для развлечения.

ния, а ради пищи. Хорошо, предположим, не стоя. Бегаёт по Владивостоку одинокий бойцовый пес – то ли больной бешенством, то ли просто чокнутый, что иногда случается с этой породой. Но все равно, даже напади он неожиданно, Алиса успела бы оказать хоть слабое сопротивление, а значит, были бы и ссадины.

– Сколько трупов? – быстро спросил Сергей.

Вовка посмурнел ещё больше:

– Ещё два. Один в августе, другой в октябре. Молодые девчонки.

– И где нашли?

– А вот это самое, факофф, хреновое. Одну в Первомайке, в заброшенном доме. Вторую – на Эгершельде, в лесополосе. Обе уже полуразложившиеся. Дела ещё не объединили. Но раз два трупа в нашем районе, то скорее всего на нас и повесят.

Бешеная собака, которая вот уже полгода бегаёт из района в район и нападает исключительно на молодых девушек? Бред какой-то, трэш. Сергей в это ни на секунду не поверил. Скорее всего, собаку натравили. И ещё: как могла Алиса оказаться на Маяке, в нежилой зоне, в стороне, противоположной от её дома? Вывод напрашивался сам собой: скорее всего, девушку убили в другом месте, а на Маяк привезли её труп. Возможно, хотели спрятать в развалинах, но почему-то не сделали этого. Сергей поделился с другом своим предположением.

– Отпадает, – произнес Вовка. – Она сама шла. Следы каблуков остались. В пятницу сыро было, тепло, а потом приморозило, так что впадины в земле хорошо видно.

– Что-нибудь еще?

Друг помялся. Чувствовалось, что ему не хотелось это говорить.

– Давай, не тяни, – поторопил Сергей.

– Да там странное что-то. Свириденко даже звонила экспертам, переспрашивала. В общем, крови в девчонках почти нету.

– Не понял...

– Да и мы не совсем поняли. И эксперты тоже. Они там как-то определяют по цвету мышц и сосудов. Такое впечатление, говорят, что кровь из тел слили. Знаешь... – Вовка запнулся, потом решительно закончил: – Когда свиней или там баранов режут, из них кровь спускают. Чтоб не свернулась. Вот похоже, кто-то так же с девчонками сделал. Если с предыдущими это было под вопросом – тела несвежие, долго лежали, и все такое – то... в последнем случае факт налицо. А под телом крови почти нет. Ну и теперь дело уже не прикроешь.

Сергея замутило.

– Это все? – резче, чем собирался, спросил он, подзывая официанта.

– Вроде бы...

Расплатившись, Сергей поднялся:

– Поехали, подвезу тебя домой.

– Угу, угу... – пробубнил Вовка.

Но в машине он вдруг заявил:

– Не надо домой. Я с тобой поеду.

– Куда это? – делано удивился Сергей.

– Ну, ты ж на Маяк собрался, правильно?

Сергей молча завел субарик. Вовка знал друга как облупленного.

С пролива дул промозглый ветер, покрывал знобкими мурашками поверхность моря, шевелил облетевшие кусты вокруг дороги. На чистом холодном небе россыпью крошечных льдинок сияли звезды. Взблескивал красный огонек маяка, бросая на воду волнистую розовую дорожку. Как-то не верилось, что это место – часть большого шумного города. Здесь было пусто, безлюдно, и казалось, этот мыс и это море под высоким небом – бесконечны и можно ехать по неровной дороге долго-долго, но ничего вокруг не изменится. Уютный свет из окон далеких коттеджей лишь подчеркивал ощущение одиночества.

Справа возник темный контур старого двухэтажного дома, уродливой развалиной возвышавшегося над дорогой. Сергей остановил машину, достал из бардачка фонарик, который всегда возил с собою, – в спальных районах с уличным освещением была просто беда: вроде оно и имелось, но зажигалось и гасло по собственному желанию. Осмотревшись, Сергей принялся подниматься по склону, покрытому высох-

шей травой. Шепотом чертыхаясь и зябко застегивая куртку, Вовка последовал за другом.

Небольшой – примерно три на три шага – пяточок перед входом в дом имел вид проплешины. На глинистой почве не росла трава. Сергей остановился, присел, разглядывая вмятины в замерзшей земле. Последние следы, оставленные каблучками Алиски...

– Здесь, – тихо подтвердил Вовка, – тут она и лежала...

Сергей вдруг резко поднял руку, призывая друга к молчанию. Потом выключил фонарь. Ему показалось, что в одном из окон второго этажа горит слабый, неровный свет, какой бывает от колышущегося пламени свечи. Присмотревшись, он убедился: так и есть. Сергей поднялся, подошел сбоку к черному провалу входа, лишенному двери, прислушался. Вовка замер с другой стороны.

– Пошли, – шепотом скомандовал Сергей и осторожно шагнул за порог.

Первый этаж встретил запахом сырости, звериной норы и абсолютной темнотой. Гнилые половицы ненадежно прогибались под ногами. Пришлось включить фонарь: здесь можно было запросто сломать шею. Но за мгновение до того, как Сергей нажал на кнопку, из ближайшего к нему угла донеслось низкое, хриплое рычание, и какое-то крупное животное стремительно метнулось к выходу. Выругавшись, Сергей направил луч фонарика на дверной проем. Поздно: зверь уже успел раствориться в ночной темноте.

– В кусты побежал, – едва слышно прошептал Вовка. – Здоровый...

На всякий случай осмотрели первый этаж, но больше ничего не обнаружили. Отыскав лестницу, Сергей принялся подниматься по кривым ступеням, грозившим в любой момент осыпаться гнилой трухой. Вовка шел позади, отстав на пару шагов.

Через второй этаж тянулся коридор, из которого выходило несколько дверей. Прикинув примерно, в каком из помещений могло находиться окно, в котором горел свет, Сергей снова выключил фонарь и на ощупь двинулся по узкой затхлой кишке. Он честно старался ступать бесшумно, но это плохо удавалось: половицы предательски постанывали под ногами.

В одном из проемов забрезжило слабое мерцание свечи. Подкравшись к входу, Сергей прислушался, потом, включив фонарь, с воплем: «Никому не двигаться! Милиция!» – влетел в комнату.

Здесь стояла неимоверная вонь застарелой мочи, дерьма, пота и псины. Ко всему этому примешивался явственный душок разложения. Существо, сидевшее прислонившись к стене, и не думало двигаться. Тощее, изможденное, одетое в отрепье, потерявшее от грязи свой цвет, при виде Сергея оно мелко задрожало. Засаленные космы седых волос упали на ввалившиеся, подплывшие гноем глаза. Существо выставило перед собою руку, словно защищаясь от удара. В покры-

тых язвами, заскорузлых от вьевшейся грязи пальцах вдруг что-то блеснуло.

– Ну что тут? – В помещение заглянул Вовка, приблизился к другу. – Фу-у-у, ну и амбре...

Сергей не ответил, всматриваясь в крошечный предмет, так чисто сиявший в уродливой руке обитателя дома.

– Факофф, – выговорил Вовка, сумев одним этим словом выразить всю гамму нахлынувших на него чувств, и толкнул друга в бок.

В дверном проеме, злобно ощерившись, воинственно вздыбив шерсть на холке, стоял огромный кудлатый пес и тихо, угрожающе рычал.

В ответ существо распылило беззубый рот и зашлось в истерическом беззвучном вопле.

Все шло как обычно. Земля не провалилась под ногами, и со стыда Даша не сгорела, и одноклассники на следующий день уже не вспоминали историю с портретом. Денис, кстати, тоже. Его улыбка, ласковый взгляд и несколько слов, произнесенных мягким голосом, – вот и все, что ей оставалось лелеять в памяти. И она бы лелеяла. Если б не странные и ужасные события последних дней.

Гибель Алисы заставила Сергея жестоко страдать. Он пытался скрывать это, но Даша видела. Брат, и раньше бывший немногословным, теперь совершенно замкнулся, пытаясь преодолеть боль в одиночку. Он все время чем-то зани-

мался, полностью взвалил на себя организацию похорон, старался контролировать расследование. Не останавливался ни на миг. Это был его способ борьбы, способ обретения равновесия. Даше очень хотелось как-то помочь брату, поддержать, выразить сочувствие. Но она не знала как. Просто не могла себя заставить подойти, обнять, произнести простые, искренние слова. Ей казалось, что тогда Сергей вдруг потеряет это самое, с трудом достигнутое равновесие и с ним случится что-нибудь пугающее: он сорвется, закричит, может, даже заплачет... И Даша продолжала соболезновать молча. Старалась быть хоть чем-то полезной, но ей плохо удавалось.

Она не то чтобы забыла о Денисе – это было невозможно, он всегда жил в ее мыслях – но его образ как будто отступил на задний план, сделался чуть расплывчатым. Даша слишком сильно боялась за брата – ведь Сергей был единственным ее близким человеком.

К тому же этот странный обморок... Девушка пыталась вспомнить, что произошло, но безуспешно. Вот она вернулась из университета, вот приготовила ужин. Ждала брата, села рисовать. Мурза... кот, улегшийся на рисунок, был ее последним внятным воспоминанием. Дальше – провал, темнота... Она проснулась глубокой ночью из-за того, что ее немилосердно тряс Сергей. Оказалось, брат, вернувшись домой, нашел ее лежащей на полу. В конце концов она решила не обращать внимания на этот случай, списав его на переутомление, недосыпание, нервы... Только вот почему ее

теперь так страшила темнота? И почему под утро во сне она часто видела густое облако тумана, из которого вырастал и стремительно начинал приближаться темный, неясный и оттого еще более жуткий силуэт? Даша просыпалась, долго лежала, пытаясь унять сердцебиение, потом снова задремывала. Но непонятное существо из сна нет-нет, да и вспоминалось даже днем.

Вот и сегодня, сидя на занятиях, она вздрогнула, когда с улицы раздался какой-то шум. А больше ничего интересного и не случилось. Дни пролетали мимо, похожие один на другой, умеренно скучные, не несущие ничего нового и яркого. У других кипела жизнь, бурлили страсти и страстишки. Новенький, похоже, очень сблизился с Женечкой. Они вместе приходили на пары, вместе уходили, да и во время учебы не разлучались. А какими глазами девушка смотрела на Ивана! В ее взгляде читалась не просто любовь, а какая-то собачья преданность. Парень же скорее принимал поклонение, как должное, относясь к Женечке с легким снисходительным пренебрежением. Но в то же время каждое движение, каждая усмешка его словно бы говорили о чем-то тайном, запретном. В этом было много... секса? Возможно. Но Даша старалась не смотреть в их сторону – почему-то при виде этой парочки ей делалось не по себе.

У Дениса с Яной, наверное, тоже все было хорошо. Они по-прежнему сидели вместе, при встрече обменивались поцелуями, а в их глазах зажигались радостные огоньки.

Сегодня Яны не было, и Денис, похоже, немного заскучал. А с четвертой пары – английского – так и вовсе ушел. В общем-то им с Яной было прощительно: язык оба знали в совершенстве, и преподававшая его сердитая бабушка-старушка не могла дать им ничего нового.

Наконец пары закончились. Даша зашла в библиотеку. После, спустившись в просторный холл первого этажа, остановилась у большого, во всю стену, зеркала – излюбленного места университетских девушек. Обычно здесь всегда стояли две-три группки, весело болтающие, расчесывающиеся и подправляющие блеск на губах. Тогда Даша проходила мимо. Но сейчас в холле уже было пусто, и ей почему-то захотелось взглянуть на себя.

Отражение, как всегда, разочаровало, и от этого Даше стало совсем скучно и грустно.

– А ты кого ожидала увидеть? – пробурчала она под нос, поправляя шарф. – Неповторимую Анджелину?

Сбоку откуда-то вынырнула Томочка, встала рядом, вытащила из сумочки губную помаду.

– Попробуй муа-муа, попробуй джага-джага... – игриво напевала она, слой за слоем накладывая на губы жутковатую фиолетовую краску.

Не желая связываться с экстравагантной дамой, Даша сделала шагок в сторону. Томочка, не заметив этого маневра, улыбнулась, показав испачканные фиолетовым зубы, вздохнула и без того растрепанные рыжие волосы и радостно

сообщила девушке:

– На свидание иду!

Вежливо кивнув, Даша попыталась застегнуть куртку, но собачку замка заело. Она опустила глаза, борясь с непослушной вещицей, а когда подняла, вдруг обнаружила, что у их с Томочкой отражений появилась компания. Перед зеркалом, с улыбкой наблюдая за ее возней, стоял Денис.

– Какие у тебя планы на сегодня? – поинтересовался он так непринужденно, словно для него это было самым обычным делом – спрашивать о Дашиных планах.

– Домой собираюсь, – промямлила Даша, поворачиваясь к нему и от души надеясь, что щеки не заливаются предательской краской.

– Попробуй ум-м... ум-м... – промурлыкала Томочка, загадочно поглядывая на Дениса.

– Но ты не торопишься? – Парень снова обезоруживающе улыбнулся, доставая из внутреннего кармана куртки два белых картонных прямоугольника, и продемонстрировал их Даше. – Я хотел пригласить тебя на выставку в художественную галерею. Вот даже билеты купил.

– В галерею?..

– Ну да. На выставку картин Леонардо да Винчи. Конечно, там будут только репродукции, но очень хорошие. Мне нравится Леонардо. А тебе?

– Леонардо...

Даша кляла себя в душе за то, что как идиотка повторяет

слова Дениса. И вид у нее, наверное, сейчас соответствующий! Но приглашение так поразило ее, что она только и могла блеять что-то невразумительное. Конечно, ей нравился да Винчи! А с Денисом она готова была разглядывать не только картины великого флорентийца, но вообще что угодно. Хотя мазию пациентов сумасшедшего дома, созданную исключительно с терапевтическими целями.

Денис терпеливо ждал ответа.

– А Яна? – выдавила девушка, тут же мысленно обозвав себя дурой. Ну ей-то какая разница, что там Яна?

Парень пожал плечами:

– Она равнодушна к живописи. А мне хотелось бы сходить на выставку с человеком, который разделяет мои увлечения. Ты хорошо рисуешь, вот я и подумал...

– Да. – Наконец Даша пришла в себя. – Да, конечно. Я очень люблю живопись, и я люблю Леонардо да Винчи. Поехали.

– Свидание... – пропела лаборантка, подмигивая девушке и с неуклюжим кокетством поводя могучим плечом в сторону Дениса.

Надо отдать должное парню, он не рассмеялся над этим выпадом. Только слегка улыбнулся и отвел взгляд, не желая раздражать Томочку.

Ярко-синий автомобиль Дениса выделялся на университетской стоянке, как беркут в утиной стае. По сравнению с ним остальные машины, даже солидные и дорогие, каза-

лись простоватыми и неуклюжими. Все в нем – изящный, устремленный вперед корпус, агрессивная форма капота, треугольные, словно прищуренные глаза, фары – было создано для скорости, для сопротивления ветру. Денис галантно распахнул перед Дашей дверь, усадил в машину. В белоснежном, с кожаными чехлами, салоне, ненавязчиво пахло каким-то приятным парфюмом. Когда машина отъезжала, Даша успела заметить Ивана Таркова с Женечкой, выходящих из здания универа. Проводив машину Дениса внимательным взглядом, Иван двинулся к стоянке, где его ждал тяжелый черный джип «паджеро».

Жаль, что поездка оказалась такой короткой – художественная галерея находилась на соседней улице. Даша мечтала о том, чтобы вот так ехать с Денисом далеко-далеко, на край света. Просто сидеть рядом, слушать тихую музыку и смотреть на его сосредоточенное лицо. Но машина остановилась возле галереи, и у Даши появилась новая забота: как открыть эту сложную дверь и красиво выбраться из низкого автомобиля, сохранив изящество и независимый вид. Денис не дал опасениям развиться: он вышел, сам открыл дверь и подал девушке руку.

В галерее было почти безлюдно – видимо, владивостокцев не очень трогало творчество Леонардо. Даша остановилась у одной из картин. На камне, у поросшей лесом скалы, сидел полуобнаженный юноша. Левая рука его опиралась на посох, правая указывала на что-то, невидимое зрителю. Лицо юно-

ши было отрешенным, взгляд больших глаз – спокойным и, пожалуй, слишком холодным.

– О чем ты думаешь? – наклонившись к уху девушки, шепотом спросил Денис.

– Да так... Странно, – проговорила Даша.

– Что именно?

– Лица на картинах. С точки зрения современного человека они совсем некрасивые. И все равно...

– Все равно картины волнуют? – подхватил Денис. – Да, понятие о красоте изменилось. Но с «Вакхом» не все так просто. До сих пор точно неизвестно, принадлежит ли картина кисти самого Леонардо. Некоторые искусствоведы и историки утверждают, что это работа одного из его учеников. И опять же непонятно, писал ученик сам или просто копировал работу мастера, которая потом исчезла. Если копировал, то мог неудачно выписать лицо.

Но Дашу волновала уже не красота античного бога, а дыхание Дениса, нежно щекотавшее щеку. Больше не в силах бороться с чувствами, девушка перешла к следующей картине.

Они долго бродили по галерее, в которой было выставлено всего шесть репродукций картин Леонардо. Разговаривали и не могли наговориться. Оказалось, что Денис действительно отлично разбирается в живописи. Он умел видеть в картинах тонкую красоту, знал множество интересных фактов из истории искусства, забавных случаев из жизни знаме-

нитых художников.

– Я неплохо рисую, – пояснил он, заметив удивление девушки, – когда-то даже хотел стать художником, брал уроки живописи.

– А потом?

– Потом решил, что профессия финансиста надежнее, – рассмеялся парень, – а рисовать можно и для себя.

Даша не уставала поражаться, сколько, оказывается, между ними общего. Они понимали друг друга с полуслова, и им было очень интересно вдвоем. Наверное, поэтому, не желая расставаться с девушкой, Денис предложил:

– А давай поедem куда-нибудь, поужинаем? Я голодный. А ты?

– Я тоже, – улыбнулась Даша. Первая неловкость прошла, и теперь ей казалось, что она знает Дениса всю жизнь.

Но в стильном уютном кафе-погребке девушке снова стало не по себе. Здесь светил приятный приглушенный свет, играла тихая музыка, витал легкий аромат хорошего кофе, незаметно скользили вежливые официанты. Даша никогда раньше не бывала в таких местах. «Хотя, – призналась она себе, – я и вообще нигде не бывала». Вроде бы никто не обращал на них с Денисом внимания, но девушке вдруг показалось, что взгляды солидной публики то и дело останавливаются на ней. И в этих взглядах был невысказанный вопрос: «Что такая замарашка делает рядом с таким красивым молодым человеком?» Даша хотелось провалиться сквозь пар-

кетный пол, так стыдно вдруг стало и за простенькие до банальности дешевые джинсы, и за непритязательный серый свитерок...

Когда она уже готова была вскочить и выбежать из кафе, Денис вдруг прикоснулся к ее руке, успокаивающе сжал прохладными пальцами.

– Я давно хотел тебе сказать, – мягко и очень серьезно произнес он, – ты красивая. И такая... настоящая.

Сердце ухнуло куда-то в область живота, потом подскочило к горлу и затрепыхалось маленьким, обезумевшим от счастья комочком. А потом на душе снова стало спокойно и радостно. Что ей за дело до окружающих? Нужно наслаждаться сегодняшним днем, вот этим моментом. Вкусным ужином, теплом, уютом. И ласковыми глазами человека, который сидит напротив.

Вскоре ее счастье вновь омрачилось: Даше нужно было выйти в туалет, но она не знала, как сказать об этом Денису. В конце концов, пробормотав что-то вроде: «я сейчас», – она вышла из зала, стараясь двигаться как можно более грациозно. Наверное, это у нее плохо получалось: сознание того, что Денис смотрит вслед, тревожило и одновременно опьяняло.

Туалеты располагались в маленьком коридорчике слева от холла. Заходя, Даша порадовалась тому, что здесь никого нет, а выйдя из дамской комнаты, столкнулась со странными людьми. Дорогу ей заступили два молодых китайца. Высокие, худощавые и гибкие, как опасные хищники, с длинными

иссиня-черными сверкающими волосами, одетые в одинаковые, распахнутые на груди кожаные плащи, они словно вышли из кадра какого-то гангстерского боевика. Из-под ворота черных футболок на шеи выползали цветные татуировки в виде щупалец осьминогов, в ушах переливались крупные бриллианты. Китайцы были похожи, словно близнецы или, скорее, как зеркальные отражения. Даже пирсинг у одного красовался в левой брови, у другого – в правой.

Один из азиатов быстро осмотрелся, заглянул за двери и, убедившись, что рядом никого нет, встал у выхода в холл. Второй двинулся к Даше. Ближе, ближе... пока наконец не подошел вплотную. Отступать было некуда, и девушка оказалась прижатой к стене. Она хотела закричать, но горло стиснул болезненный спазм, дыхание перехватило. Она встретилась с колючим ледяным взглядом раскосых глаз и ощутила, как от ужаса подкашиваются ноги: зрачки, окруженные ядовито-желтой радужкой, были вертикальными, как у змеи. Не сводя с Даши неподвижного взгляда, китаец сделал глубокий вдох. Ноздри приплюснутого носа расширились, втягивая запах тела девушки, словно аромат редкого цветка или дорогого вина. На губах азиата заиграла довольная улыбка. Стоявший у выхода человек что-то непонятно спросил, и его напарник кивнул, бросив всего одно короткое слово. Потом медленно, с пугающей нежностью провел рукой по Дашиным волосам... щеке... шее... Девушка задрожала, ощутив мертвенный холод, исходящий от его ладони... Тонкие,

неестественно длинные пальцы с выкрашенными черным лаком длинными ногтями легли на горло...

– Отойди от девчонки, тварь косоглазая, – вдруг произнес густой, тяжелый бас.

Даша и сама скосила глаза, пытаясь разглядеть своего неожиданного защитника. Широкоплечий, бритый наголо мужчина в кожаной куртке и темных очках, оттерев плечом стоявшего на карауле китайца, вдвинулся в коридорчик, так что в нем сразу стало тесно. За спиной гиганта маячили двое парней поменьше, но тоже внушительных габаритов.

– Убери грабли, дерьмо, – почти ласково сказал лысый, ловким, отработанным движением отодвигая левую полу куртки и демонстрируя висящую на боку кобуру.

Ледяная рука неохотно оставила Дашину шею и поползла к карману плаща.

– Не стоит, – угрожающе протянул гигант, снимая очки и сдвигая суровые брежневские брови. Его спутники подтянулись ближе.

Несколько мгновений азиат и бритоголовый буравили друг друга настороженными взглядами. Потом китаец растянул тонкие бледные губы в улыбке, больше похожей на звериный оскал, и стремительно выскользнул из коридора.

– А ю о'кей, беби? – озабоченно спросил дядька. – Он вас не обидел? Может, проводить?

Пробормотав что-то вроде благодарного отказа, Даша на дрожащих ногах двинулась в зал.

Остаток вечера прошел сумбурно и бездарно. Едва сдерживая слезы испуга, Даша сказала Денису, что ей пора возвращаться, и на все уговоры посидеть еще отвечала отказом. Ей и правда хотелось домой, под защиту надежных родных стен, поближе к брату. И еще она боялась, что странные азиаты снова попытаются напасть на нее, и тогда может пострадать Денис. Так и не выяснив причины быстрой смены настроения и, кажется, испугавшись за ее рассудок, парень отвез Дашу домой. Невзирая на протест, проводил до самой квартиры, дождался, пока девушка откроет дверь своим ключом, и только тогда ушел.

Сергея дома не было. Мурза с радостным мявом ринулся к хозяйке и принялся вить петли вокруг ее ног. Даша включила свет во всей квартире, скинула куртку и уселась в углу кровати, прижав к себе теплое пушистое тельце мурлычущего от удовольствия кота. Пока еще она не в состоянии была анализировать произошедшее. Только мысленно повторяла: «Все кончилось, все кончилось. Ты в безопасности, все хорошо...»

Звонок мобильного заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Превозмогая снова нахлынувший страх, Даша потянулась к сумке и достала трубку. На экране высветился незнакомый номер. Немного поколебавшись, девушка все же ответила.

– Даш, ты как? – немного встревоженно прозвучал голос Дениса.

– Нормально, – ответила она, рассмеявшись от облегчения. – А откуда ты знаешь мой номер?

– Ты же мне сама его в кафе продиктовала, – после короткого удивленного молчания сказал парень. – Забыла? Не знаю, что тебя так напугало. Но надеюсь, не я.

– Не ты...

– Тогда выгляни в окно.

Отодвинув штору, Даша взглянула вниз. Возле подъезда, прямо под тусклым фонарем, стояла машина Дениса. Сам он, прислонившись к дверце и прижав к уху трубку, вглядывался в окна дома.

– Я решил подождать и перезвонить тебе. Мало ли...

Девушку растрогала искренняя забота, звучащая в теплом голосе.

– Спасибо. Я уже успокоилась.

– Тогда до встречи в универе, – повеселел Денис. – И еще... – немного помявшись, добавил он, – хотелось бы как-нибудь повторить наш поход.

В трубке раздались гудки отбоя. Денис помахал рукой и уселся в машину. Даша проводила взглядом отъезжающий автомобиль и отошла от окна. На сердце стало тепло. Все хорошо. О странных азиатах она подумает завтра, а сегодня будет вспоминать лицо, улыбку и слова Дениса...

И ни Даша, ни Денис не могли видеть тяжелые, словно катаfalки, черные джипы, подъезжающие по объездной дороге к дому на тихой сонной улице.

– Хорошая собачка, – мягко и убедительно произнес Вовка, шаря по карманам. – Хороший, факофф, песик. Хочешь конфетку? Где-то тут у меня завалялась...

Отыскав наконец дешевую карамельку, он развернул ее и продемонстрировал собаке в знак своих дружелюбных намерений:

– Вот, возьми. Хороший пес. Умный. Красивый...

Казалось, и тут Вовке не изменила способность находить со всеми общий язык: склонив набок здоровую лобастую башку, собака спокойно прислушивалась к его голосу.

– Голодный небось? На, угощайся! – Карамелька полетела псу под лапы.

Зверь отскочил назад, рыкнул для острастки, потом принялся осторожно принюхиваться к конфете. Воспользовавшись коротким перемирием, Вовка достал мобильный:

– Алло, дежурный! Капитан Пермяков. Пришли наряд на задержание. Маяк. Знаешь, дом заброшенный? У меня тут подозреваемый по делу. Да. Да. Собака еще...

Сергей едва слышал, что творится за спиной. Плевать ему было и на пса и на задержание. Он не сводил взгляда с крошечного крестика из белого золота, на тонкой цепочке, поблескивавшего в заскорузлой руке бомжа. Не обращая внимания на омерзительную вонь и судорогу, сотрясавшую тело уродливого человека, Сергей наклонился, чтобы ближе рассмотреть вещицу. Ошибки быть не могло: этот крестик год

назад он сам подарил Алисе. В голову ударил тупой, нерас-суждающий гнев. В глазах потемнело. Не помня себя от ярости, Сергей схватил дрожащее, воющее существо за шиворот, рывком поставил на ноги и занес руку для удара. Злобно зарычала собака, припала к полу, изготавившись к прыжку.

Тут бы и пришел бомжу конец: суторето-дзедан в исполнении Сергея вряд ли выдержал бы даже здоровый мужик. Но Вовка с воплем: «Не надо, Серега!» – повис на локте друга.

– Не тронь, Серега! Сейчас наряд приедет, что я им скажу?!

Старик снова сполз по стене на пол, забившись то ли в истерику, то ли в эпилептическом приступе. Сергей молча стряхнул Вовку с руки и опять потянулся к бомжу, ощущая единственное желание: уничтожить убийцу Алисы. Своими руками. Задавить гниду, размазать по стене... Он задыхался от бешенства. Ради золотых побрякушек... Алиску... Кажется, он зарычал. Кажется, оскалился, словно этот бродячий пес перед прыжком. Убить. Убить...

– Серега, ну прекрати! Надо следствие... – Вовка зашел сзади и попытался взять друга в захват.

Сергей резко ударил головой. Друг пошатнулся, схватился за разбитый нос, пытаясь остановить кровотечение.

– Твою мать! Ты чего творишь-то, придурок? – беспомощно прогнусил он.

Сергей опять занес кулак, и опять Вовка, обливавшийся

кровью, схватил его за руку...

Снова и снова он отшвыривал друга, толком даже не понимая, что делает. Но Вовка с упорством самоубийцы становился на его пути, заслонял собою старика, подставлялся под удар. Наконец Сергей устал от бессмысленной борьбы. В голове немного прояснилось. Не сводя взгляда с бомжа, он отошел в сторону и присел возле стены.

– Ну слава богу, – пробубнил Вовка, усаживаясь рядом. – Всего меня, факофф, искалечил...

Так они просидели с четверть часа. Вовка, запрокинув лицо к потолку, Сергей – уставившись на бомжа. Дождавшись, когда друг совершенно уверится в его спокойствии, Сергей вдруг резко вскочил на ноги и ринулся к старику. Душа ликовала: сейчас он расправится с уродом! Вовка, не успевший отреагировать на его стремительное движение, злобно выматерился.

Собака, наблюдавшая за людьми, поняла, что хозяина больше никто не защитит, и присела, готовясь в следующую секунду взвиться в высоком прыжке...

Сухо ударила автоматная очередь. Издав короткий, полный боли взвизг, пес дернулся и упал на бок, заливая пол кровью. Сергея с двух сторон схватили сильные руки, швырнули к стене.

– Милиция! Стоять! Руки, руки выше!

Еще два милиционера держали Вовку. В комнату вошел невысокий коренастый парень. Мягко выговаривая букву

«г», произнес:

– Лейтенант Горипечко. Что тут у вас?

– Капитан Пермяков, Пушкинский РОВД, – прокряхтел, захлебываясь кровью, Вовка. – Это я вас вызывал. Задержание подозреваемого. В нагрудном кармане удостоверение, лейтенант.

Вовку отпустили, и он быстро объяснил происходящее. Его слов Сергей не слышал. Он смотрел на бомжа, которого все словно бы забыли. А тот вдруг пришел в себя и обрел способность к человеческой речи.

– Федька-а-а... Феденька-а-а-а... – страшно завыл он и на четвереньках пополз к собаке. Из беззубого рта по подбородку стекала дорожка слюны, безумные глаза наполнились слезами.

Агонизируя, пес перебирал лапами, словно пытался добежать до бомжа. Ему, псу, неважно было, во что одет хозяин и как от него пахнет. Ведь это был его человек, даривший любовь и ласку, такие нужные каждой собаке. И сейчас пес ждал помощи и защиты, поэтому из последних сил отталкивался от пола, полз навстречу хозяину, на его голос, и все дергал тяжелой головой, косил мутнеющие глаза, стараясь хотя бы увидеть бомжа. Может быть, так ему легче было умирать...

– Добей, – поморщился Горипечко, кивая милиционеру.

Тот равнодушно поднял автомат, но пес дернулся в последний раз и замер.

– Фе-е-е-дя-а-а-а... собачка моя... – шепеляво причитал бездомный, оплакивая единственного друга, – за что, за что, с-с-с-уки?..

Милиционер пинком остановил его передвижение.

– Этого в машину, – скомандовал лейтенант и уточнил у Вовки: – Пса тоже?

– Нет. – Капитан Пермяков взялся за телефон. – Это по нашему делу... Сейчас экспертов вызову. Вы только крестик отберите. Улика.

– Давай сюда, дед, – сказал молодой милиционер, наклонясь и протягивая руку за крестиком.

– Не дам! – взвизгнул бомж, становясь на колени. – Не дам ангелочка моего! Изыди, сатана! Отче наш, иже еси на небеси... Богородице, дево, радуйся...

Обливаясь слезами, он прижал крест к груди и понес несообразное. Из беззубого рта сыпались проклятия, стоны, неясные жалобы, перемешанные с обрывками молитв. Милиционеры, матерясь, принялись разжимать руки бомжа, оказавшиеся неожиданно сильными.

– Чокнутый, – брезгливо сплюнул лейтенант Горипечко. – Как бы машину нам не облевал... И чего ему этот крест сдался?

Старик поднял голову, взглянул на лейтенанта и светло, как-то по-детски, улыбнулся:

– Он миленький... хорошенький... защитник... Я все сдал, а его не сдал... – И вдруг доверчиво раскрыл ладонь,

поднося на ней крест: – На, мент, бери. Спастишься хочешь? Не спасет... Её не спас, ангела... И тебя не спасет. – Голос его становился все тоньше, слова набегали друг на друга, сталкивались, делаясь невнятными. Бомж захлебывался, раскачиваясь в каком-то трансе, словно дервиш на молитве, затянул на одной ноте: – Ангел светлый... убили ангела... Зверь убил... пес дьявольский... зубы в крови, глаза как у змеи... а скоро он и за вами придет... за всеми придет... и за мной придет. А я не скажу ничего! – визгливо выкрикнул он и, переходя на страшный шепот, добавил: – Я убил! Я! Пусть лучше я... спаси, Господи...

– С такими клиентами и в кино ходить не надо, – резюмировал Горипечко, – ведите, ребята.

Отобрав крест, два милиционера подхватили бомжа под руки и потащили наружу.

– Пошли, Серега, – устало произнес Вовка, прижимая к носу платок. – Эх ты меня отделал-то...

– Прости...

На Сергея снова накатило равнодушие. Все происходящее воспринималось как дурной сон, сливалось в единую расплывчатую полосу. Он как-то в один момент вдруг устал, от ярости, гнева и ненависти перейдя к серенькому, жидкому спокойствию. Мозг защищался от стресса, погружая сознание в яму безразличия. Он вышел вслед за Вовкой, который по дороге быстро говорил:

– Ты сейчас езжай домой, Серега, а я экспертов дождусь.

Завтра тебя повесткой вызовут или позвонят. Скажу, ты рванул на место преступления, а оттуда уже позвонил мне. Я и прилетел на помощь. Если что, нос я на лестнице расквасил, в таком бардаке неудивительно. Понял?

– Понял, – послушно согласился Сергей. – На лестнице...

Друг внимательно взгляделся в его лицо, покачал головой:

– Н-да, мощно тебя плющит... сам доедешь?

– Со мной все в порядке, – твердо ответил Сергей.

– Ну вот и лады! – обрадовался Вовка, хлопнул на прощание по плечу и уселся в милицейскую машину.

Дружба дружбой, а служба службой. Капитану Пермякову нужно было грамотно объяснить свое появление на Маяке.

Сергей вел субарик по опустевшим улицам ночного города, а в душе просыпалась тревога за Дашу. Только сейчас он вспомнил, что за день сестренка ни разу не позвонила ему. Вообще-то Даша всегда была молчуньей, не любила много болтать по телефону и старалась лишний раз не тревожить брата звонками. Но чувство беспокойства не отпускало, и Сергей схватился за мобильник.

– Алло, – почти сразу ответил звонкий голосок.

– Ты где, Даш?

– Дома, конечно...

С души словно камень свалился. С сестрой все хорошо...

Оставив машину на стоянке возле дома, он чуть ли не бегом ринулся к подъезду – так захотелось увидеть Дашку, просто поздороваться с нею, взглянуть в ласковые, немного на-

ивные серые глаза, приобнять, поговорить... Вдруг подумалось: они очень мало разговаривают в последнее время, и он не знает, чем живет сестра, что ее радует, а что огорчает. А ведь она – единственный близкий человек, оставшийся у Сергея. Не слишком ли он увлекся расследованием? Не слишком ли погрузился в собственное горе? Ведь как бы банально это ни звучало, Алису не вернешь. А Дашка – вот она, рядом. И он не простит себе, если с нею что-нибудь случится...

Сергей удивился своим мыслям. Почему, собственно, с сестрой должно что-то произойти? Никаких предпосылок к этому не было, а в предчувствия он не верил, поэтому в который раз уже диагностировал у себя паранойю и постарался отбросить неясную тревогу. Напрасно: ведь дай Сергей волю своей подозрительности, смог бы заметить неясные тени, при его появлении отпрянувшие от подъезда и скрывшиеся в темноте.

– Как дела? – спросил он у Даши, когда девушка открыла дверь.

Она пожала плечами:

– Хорошо...

На этом беседа скисла. Поставив перед Сергеем ужин, сестренка поспешила удалиться в свою комнату. А на него снова навалились тоска, острая боль, ненависть и отвратительное чувство собственной беспомощности. И еще стыд перед Вовкой. Избил друга, и за что? За то, что тот не дал

руки замарать убийством.

– Истеричка... – шепотом выругал он сам себя.

Есть не хотелось. Вяло поковыряв вилкой в котлете, Сергей отодвинул тарелку, встал из-за стола и вышел на балкон. Впереди чернела поросшая лесом сопка, у подножия которой светились огоньки прятавшихся между деревьями домов. Где-то далеко завывала бродячая собака, ее тоскливый голос тонкой иглой вонзился в чистый холодный воздух ночи. Вскоре сразу со всех сторон откликнулись еще несколько псов, а потом в песню собачьего одиночества начали вплетаться новые и новые голоса.

Сергей постепенно приходил в себя. Глядя на огоньки, мерцающие над бухтой, он глубоко задумался. Убийца пойман. Только убийца ли? Вроде бы все логично: бомж натравил на Алису своего пса, тот загрыз девушку. А старик потом спокойно обобрал труп. И улика – крестик – налицо. По опыту Сергей знал: милиция с восторгом ухватится за эту версию. Но слишком уж много в ней нестыковок. Если бомж – убийца, какого, спрашивается, черта он так скоро вернулся на место преступления? Ладно, положим, он совершенно безумен и не соображает, что творит. Но как Алиса оказалась на Маяке? Этот вопрос мучил Сергея больше всего. Нечего ей было делать возле заброшенного дома. Опять же невозможно объяснить отсутствие царапин на теле девушки. А уж рана на шее и слитая из тела кровь...

Его передернуло. Вдруг пришла уверенность: тварь, убив-

шая Алису, разделавшая ее, как... мясник, не поймана. Она ходит где-то там, в ночном городе. Ходит и ищет новую жертву. И он, Сергей, не сможет жить спокойно, пока не поймает урода. Пока не отомстит. Он сам найдет убийцу. И когда это случится, маньяку не поможет никто. Потому что не будет никакой милиции, задержания и следствия. Будет только суд. Суд Линча. Мсть. Жизнь за жизнь...

Вдруг собачий вой стих – одновременно, словно повинувшись чьему-то приказу, псы замолкли. На улице воцарилась полная тишина. Опершись на перила балкона, Сергей рассеянно взглянул вниз и увидел большую группу людей, подходивших к дому. Тусклый свет фонаря не позволял разглядеть их в подробностях, но Сергею они показались странно одинаковыми. Облаченные в длинные темные одеяния, они двигались стремительно и бесшумно, в полном молчании, и вскоре оказались прямо под балконом. Невольно заинтересовавшись, Сергей присмотрелся: это были мужчины, все, насколько он мог видеть, черноволосые и худощавые. Он насчитал около двадцати человек. Навстречу им из подъезда вышла еще одна группа, приблизительно такой же численности. Эти были широкоплечие, в спортивных куртках. Отряды – это, пожалуй, было самое точное название – остановились в десятке метров друг от друга, замерли почти неподвижно. Люди стояли плечом к плечу, никто не произносил ни слова, но Сергей почти физически ощущал исходящую от них угрозу. Вдруг стоявший впереди всех «спортсмен» вски-

нул руку, и ночную тишину разорвал звук выстрела. Один из черноволосых упал, остальные рассыпались в разные стороны. Сразу за узкой полосой дороги, напротив дома находился маленький скверик, в нем и поспешили укрыться мужчины в темной одежде. Но сдаваться они не собирались, и из-за деревьев загремели ответные выстрелы.

– Твою мать! – шепотом взвыл Сергей и, пригнувшись, нырнул в комнату.

Случалось, что в городе постреливали, но таких масштабных бандитских разборок, да еще и в спальном районе, он не помнил.

Сергей вбежал в комнату Даши. Сестра сидела за столом, прямо напротив окна.

– Ложись! – выкрикнул он, хватая девушку в охапку и бросааясь на пол.

Вместе с разбуженным и спрыгнувшим с кровати Мурзой они выбрались в коридор и уселись под стеной. Сергей вытянул из кармана телефон:

– Перестрелка на улице Морских Героев! Возле четырнадцатого дома!

Перепуганная Даша, дрожа, схватила кота в охапку и прижалась щекой к плечу брата. Она не понимала, что происходит на улице, и ей казалось, что от неизвестности становится еще страшнее. Однако сумеет ли она увидеть перестрелку и разглядеть ее участников, это повергло бы ее в ужас.

Люди в спортивных куртках растянулись цепью, сосредото-

точно обстреливая сквер и даже не пытаясь как-то обезопасить себя от пуль противника. В середине стоял добродушный гигант, выручивший Дашу этим вечером. Только теперь, с обрезом в руках, он утратил все свое добродушие, и выглядел слегка располневшим Терминатором. Темные непрозрачные очки, неизвестно зачем водруженные на лицо посреди ночи, лишь усиливали сходство. По обе стороны от него застыли парни, сопровождавшие богатыря в кафе. Эти были вооружены автоматами. Троица хладнокровно поливала огнем кусты, огрызавшиеся одиночными выстрелами.

Казалось, «спортсмены» могут торжествовать победу, но вдруг из-за трансформаторной будки в полусотне метров от дома выскочили люди в черных плащах. Пока несколько человек отвлекали противника, принимая огонь на себя, основные силы отряда пошли в обход. Извиваясь, совершая невероятные прыжки и сальто, с нечеловеческой ловкостью уклоняясь от пуль и одновременно умудряясь стрелять, «черные» неслись к дому. Длинные распахнутые одежды хлопали под осенним ветром, развеваясь за спиной, словно кожистые крылья. Последними бежали два похожих, как близнецы, китайца, так напугавшие Дашу этим вечером.

Маленький, юркий, длинноволосый азиат, подскочив к гиганту, вооруженному винчестером, почти в упор выстрелил ему в грудь. Бронежилет принял пулю, мужик, несмотря на мощный удар, даже не покачнулся и ответил выстрелом. Ки-

таец совершил текучее движение, выгнулся так, словно у него не было костей, и увернулся от пули. Потом остановился, замер, раскинув руки, будто собирался взлететь, вдруг напружинился и чудесным образом прямо с места взвился ввысь, подпрыгнув выше головы противника. Перебирая ногами, он как будто отталкивался от воздуха и пытался перелететь через гиганта. Богатырь стремительно вскинул обрез и, не целясь, выстрелил. Череп китайца взорвался фонтаном мозга, крови и осколков кости, обезглавленное тело, слабо подергиваясь, кулем свалилось на асфальт.

Бритая голова здоровяка, словно париком, украсилась свалившимся сверху куском черепа, с которого свисали черные волосы, лицо покрыли красно-белые ошметки. Сдернув волосы и отбросив прочь заляпанные мозгом очки, гигант развернулся на сто восемьдесят градусов и выстрелил.

Воспользовавшись неразберихой, один из азиатов пробрался к дому и с разгону взбежал по стене до второго этажа. Как когтями вцепляясь длинными пальцами в щели между кирпичами, распластался по стене и быстро пополз вверх, забирая вправо, к Дашиному окну. Издали китаец напоминал то ли огромную белку, то ли невероятных размеров жука. Выстрел остановил его, когда до окна оставалось не больше метра. Продырявленное насквозь тело еще немного повисело, отчаянно цепляясь за стену, и рухнуло на козырек подъезда. На белом кирпиче осталась живописная кровавая клякса.

Между тем остальные китайцы, пытавшиеся прорваться к подъезду, падали один за другим. Среди русских тоже имелись потери: на асфальте лежали четыре трупа с простреленными головами. Вдали засветились огни фар. Заметив их, близнецы тихо свистнули, и азиаты отступили к скверу, не забыв прихватить с собою изуродованные тела собратьев. Оставили только того, который упал на карниз. Внизу заурчали моторы, и череда черных джипов выкатилась на объездную дорогу.

По знаку бритоголового бойцы быстро подобрали трупы, не поленившись снять с карниза застреленного китайца, и вместе с телами погибших скрылись в подъезде.

Из истории рода дела Торре

Милан, год 1180 от Рождества Христова

Едва не охрипнув от безумного смеха, Паоло с трудом оторвался от созерцания своего отражения, подошел к окну, за которым занимался яркий летний рассвет. Теперь солнечные лучи больше не причиняли боли, и дневное недомогание ушло. Более того, он никогда не чувствовал себя таким... здоровым, полным сил, как сейчас. «Оказывается, чтобы жить без страданий, нужно было умереть», – с горькой усмешкой подумал Паоло. В том, что он мертв, в общепринятом понимании этого слова, мертв с человеческой точки зрения, граф не сомневался.

Мертв и одинок... Он сам этой ночью убил всех своих

близких: детей, племянников, любимую женщину... Но почему-то его ничуть не терзало раскаяние, при взгляде на окоченевшее тело мадонны Анджелики в сердце не возникало ни капли боли, а в душе не находилось сожаления о совершенном. В душе? А есть ли у него теперь душа? Быть может, в нем нет свойственных людям чувств потому, что нет и души – так сбывается братнино проклятие? Но кто он тогда? Ходячий мертвец?

– Не похоже, – прошептал Паоло.

Ведь он ощущает грусть одиночества, а вернее, страх перед тем, что ждет его впереди – без верных слуг, без поддержки и помощи. Он обладает разумом и памятью, способностью страдать. Это ли не свойства души? Что же тогда с ним происходит? И как выжить теперь, избежать человеческого возмездия за жестокие убийства? Ведь когда в Милане узнают, во что он превратился, – сюда придет весь город во главе со святыми отцами, чтобы сжечь живого мертвеца.

В дверь робко постучали. Паоло вздрогнул и отпрянул к окну, решив, что сбываются его предчувствия. Сейчас в опочивальню ворвется толпа: солдаты с пиками, чернь, вооруженная дрекольем, а впереди – люди в черных рясах. Его схватят и потащат на костер, а быть может, сожгут вместе с домом, сочтя проклятым само обиталище злодея.

Граф, охваченный ужасом, оглядывался в поисках путей к отступлению. Скрипнула дверь, но вместо разгневанных горожан в комнату на цыпочках вошли Руджеро и Луиджи.

Робко помявшись у двери, отыскиали взглядами прижавшегося к стене Паоло. Толкнув Луиджи локтем в бок, худощавый чернокнижник опустился на колени. Слуга тяжеломерно рухнул рядом.

– Наш господин... – благоговейно произнес колдун, – мы пришли, чтобы служить вам, господин...

Еще не до конца оправившись от пережитого страха и не понимая, что происходит, Паоло молчал. Медленно текли минуты, безмолвие затягивалось. Луиджи ссутулил широкие плечи, всем своим видом выражая покорность, Руджеро с обожанием взирал на графа. Оба они словно чего-то ожидали. Наконец чернокнижник робко заговорил:

– Мы позволили себе прибрать в замке, господин. Простите, что без вашего повеления. Но нам показалось, что так будет лучше...

– Спрятали мертвяков в подвале, – без обиняков пояснил простоватый Луиджи. – Позже зароем потихоньку. А кровь со стен и пола мы смыли.

Граф приводил мысли в порядок. Выходило, он не одинок. У него осталось двое верных слуг. Но теперь перед ними уродливое чудовище. Что же заставило этих людей не убежать в ужасе, взывая о помощи, а вернуться, рискуя жизнью? Преданность? Да, оба были преданы своему спасителю, как дворовые псы. Того графа делла Торре, которому они служили, уже нет: изменилась не только внешняя оболочка, но и сама сущность. И если Луиджи, в силу своей тупости,

мог этого не понять, то хитроумный Руджеро наверняка все просчитал. Тогда что же? Насколько Паоло знал этих душегубов, они сейчас блюли свою выгоду.

– Почему вы хотите мне служить? – прямо спросил он.

– Мы желаем бессмертия, господин, – низко склонив голову, ответил чернокнижник.

– Бессмертия, – подтвердил слуга, тараща маленькие глазки и выразительно шевеля широкими кустистыми бровями.

– Но разве я могу дать вам его?

Худощавое, тонкое лицо Руджеро осветила счастливая улыбка, в больших черных глазах появился фанатичный блеск:

– Это в вашей власти, господин. Вы обладаете огромным могуществом.

– Но кто я? – вдруг разозлившись на слуг, говоривших непонятные вещи, бешено выкрикнул Паоло. – Кто я или что? Скажи, если знаешь!

Луиджи в страхе съежился и прикрыл голову огромными волосатыми ручищами. Чернокнижник не испугался и мягко проговорил:

– Простите меня, господин. Но я думал, что вы уже догадались. Без сомнения, вы – стрикс. Высший стрикс.

Руджеро высказал вслух то, что ускользающей, еще не оформившейся идеей пряталось в разуме Паоло. Он, который интересовался чернокнижием, алхимией, науками о ядах, читал запрещенные церковью трактаты о нежити и

нечисти и мечтал вызвать демона, не сумел распознать в себе проклятое существо. Ничего удивительного: истории и легенды о детях ночи были расплывчатыми, неясными, часто противоречили друг другу, к тому же Паоло никогда не ставил перед собою цель изучать именно стриксов.

Стрикс. Стрикс... граф мысленно повторял это слово, привыкая к своей новой ипостаси, пытаясь осознать, что несет с собою такая перемена сущности. Пока ясно было одно: ему предстоит долгий путь, полный опасностей, труда и отчаянной борьбы за выживание. И начать следует прямо сейчас, обезопасив свой дом.

– Где фра Никколо?

– А в своей комнате, – зачастил обрадованный переменной хозяйского настроения Луиджи, – я ж его еще ночью там запер.

– Так это благодаря тебе я не погиб там, в коридоре...

Широкая, с грубыми чертами физиономия слуги расплылась в довольной ухмылке:

– Да, господин...

– Это я послал его, – торопливо вставил Руджеро, – когда увидел, что вашей светлости нужна помощь.

– Эх, и трусил же я! – воскликнул слуга. – А он и говорит, мол, такой случай не каждому выпадает, чтобы бесмертными стать. Надо господину помочь. Иди, говорит, и выбей дурь из святоши.

– Мы не решились убить фра Никколо без вашего прика-

за, господин, — перебил чернокнижник, — но потом, когда вы отдыхали, мы зашли к священнику и вынесли из комнаты все, что так или иначе могло бы вам повредить.

— Хорошо. Я доволен. Встаньте, — медленно проговорил Паоло. — А теперь, Луиджи, убери здесь, — он кивнул на труп мадонны Анджелики.

— Слушаюсь, господин!

Слуга поднялся с колен, ухватил покойницу за ноги и поволок к двери. Юбки непристойно задрались почти до пояса, обнажая покрытое трупными пятнами тело. Граф брезгливо поморщился и отвернулся. Заметив на лице хозяина недовольство, Руджеро шикнул на слугу. Тот, оправив на мадонне Анджелике платье, легко поднял покойницу, закинул ее на плечо и вышел из комнаты.

Паоло проницательно взглянул на чернокнижника:

— Благодарю тебя за верную службу.

— Могу ли я надеяться, господин? — снова упав на колени и молитвенно сложив ладони, прошептал тот.

Граф отлично понимал, почему колдун так жаждет бессмертия. Руджеро страдал тяжелой болезнью сердца, и только эликсиры из редких лечебных трав, которые он составлял в лаборатории Паоло, поддерживали в нем жизнь. Но случались дни, когда лекарства не помогали, и тогда чернокнижник, с посиневшими губами, одолеваемый слабостью и болями в груди, лежал, стараясь не шевелиться, чтобы не давать сердцу лишней работы. Руджеро было всего двадцать

пять лет, но он успел натворить много зла: продавал яды женам, желавшим избавиться от надоевших мужей, и мужьям, решившим известить опостылевших жен. Помогал жидам-ростовщикам расправляться с недобросовестными должниками, а по заказу должников наводил порчу на излишне навязчивых ростовщиков. На его совести было множество загубленных жизней и судеб. Как все грешники, колдун боялся смерти, а как все ученые, стремился к вечному познанию. Таков был Руджеро.

Луиджи, обычный грабитель-душегуб, имел свои резоны добиваться бессмертия. Глупый, темный крестьянин, неспособный к философскому взгляду на вещи, мнил бесконечную жизнь самым великим благом.

Только почему эти двое считают, что Паоло способен даровать им желаемое? Легенды гласят: стрикс укусом превращает жертву в свое подобие. Но все, чью кровь он выпил этой ночью, мертвы. Паоло вспомнил страшный голос из своего видения: «На гибель роду человеческому да пребудет с тобою дар и право преображения». Значит ли это, что он действительно может обратить человека в стрикса? Даже если и так, граф не имел понятия о том, как это делается. Хотя и признаваться в неведении не собирался: ему как никогда нужны были эти люди. Так пусть питают надежды, пусть служат ему в ожидании награды.

– Я подарю тебе бессмертие, – произнес он, твердо глядя в лихорадочно блестящие глаза Руджеро, – Но ты должен за-

работать его.

– Что нужно сделать, господин? – Чернокнижник подполз на коленях, прижался губами к забрызганному кровью башмаку, сомнамбулически пробормотал: – Приказывай! Я стану твоим слугой, рабом, верным псом...

– Для начала ступай в библиотеку и подготовь для меня все имеющиеся книги о стриксах, – решил Паоло. – Да по дороге прикажи Луиджи согреть воды и подать чистую одежду. Мне надо... привести себя в порядок. И пусть покормит фра Никколо.

Паоло не собирался убивать священника, во всяком случае, пока.

– Слушаюсь, господин! Быть может, вам пригодятся и мои скромные познания? Я очень много читал о стриксах и счастлив быть вам полезным.

– Посмотрим, – милостиво кивнул граф. – Ты старательный помощник.

Руджеро встал и, пятясь, беспрестанно кланяясь, вышел из опочивальни. Вскоре силач Луиджи притащил в комнату деревянную бадью и принялся наполнять ее теплой водою.

Скинув жесткую от засохшей крови одежду, Паоло блаженно погрузился в воду, которая тут же помутнела и приобрела темно-красный цвет. К удивлению графа, он слабо ощущал прикосновение влаги к коже, наслаждаясь скорее самим осознанием того, что тело очищается от грязи. Луиджи суетился вокруг бадьи, желая угодить хозяину, смотрел заиски-

вающе и преданно. Паоло снова задался вопросом: почему его новый облик не вызывает у слуг ужаса? Ведь его лицо поистине отвратительно. Или же...

– Луиджи, – вкрадчиво спросил он, – скажи, как я, по-твоему, выгляжу? Только отвечай правду! Помни: я всегда распознаю ложь.

Здоровяк остановился как вкопанный, долго моргал, протирая глаза, потом пригляделся графу и совершенно искренне проговорил:

– Как по мне, господин, вы ничуть не изменились. Как были красавцем, орлом, так и остались, только побледнели чуток. Но я человек простой, мог чего и не заметить. Уж тогда простите великодушно, милостивый мой господин...

– И мое лицо не кажется тебе странным?

– Лицо как лицо, – откликнулся Луиджи, – глаза такие... цветом вроде как кожа спелой лещины. Нос великоват да горбат, уж не обессудьте, господин. Губы...

– Достаточно, – прервал его Паоло, – теперь подай мне зеркало.

Слуга с поклоном поднес серебряный круг, граф бросил на него один мимолетный взгляд, приказал:

– Убрать.

Отражение в зеркале не изменилось. Паоло по-прежнему видел чудовище. Но и Луиджи не лгал, не посмел бы. Как такое может быть?

– Унеси в кладовую, – произнес Паоло, – и убери зеркала

из всех комнат. Нет... одно оставь и спрячь в лаборатории.

У него появилась интересная идея.

Луиджи вышел. Погрузившись по шею в воду, граф прикрыл глаза и предался размышлениям. Итак, он стрикс. Слуга Зверя, богопротивная тварь, дитя ночи, гнусная нежить, враг рода людского... и могущественное, бессмертное существо. Так стоит ли, получив такой великолепный дар, сокрушаться о потере человеческой сущности? Перед ним – целая вечность. Наслаждения и победы, путешествия и бесконечное познание мира.

Паоло рассмеялся. Это лишь мечты. Сейчас он не знает возможностей своей новой ипостаси, не понимает сути происходящих с ним изменений, а значит, пока уязвим. Наука – вот что даст ответ на все вопросы. Недаром, пока Амедео воевал и занимался политикой, Паоло корпел над книгами. И где сейчас старший брат? Пожалуй, подеста Милана проклятием оказал своему убийце хорошую услугу.

Но для занятий наукой нужны время и спокойствие, а значит, следует сделать так, чтобы окружающий мир не тревожил его. Церковь и стража не должны заметить произошедшего в доме делла Торре. А как волку спрятаться от собак в стае овец? Только натянув овечью шкуру. Он, Паоло, должен вести себя как человек, жить как человек и выглядеть как человек.

Для начала необходимо объяснить исчезновение всей семьи и слуг. Это нетрудно. Богатый и знатный господин суме-

ет скрыть то, что не предназначено для чужих любопытных глаз. Нужно лишь правильно распустить слухи, проверять их никто не станет. Чернь боится знати, а власти и церковь вмешиваются, только когда у них появляются серьезные подозрения.

Что дальше? Верные люди. Как можно больше верных людей, которые станут слугами, помощниками, опорой и в случае необходимости защитой. Нужен клан. Семья – вот главная сила каждого миланца. Он создаст новую семью, многочисленную, крепкую, покорную его воле, построенную на взаимной выгоде, и станет ее главой, патриархом...

В комнату вошел Луиджи, почтительно неся на вытянутых руках белоснежную шелковую камизу, пурпурную котту⁸ с широкими рукавами, красные башмаки и расшитый золотом пояс.

Одевшись, Паоло прошел в библиотеку, которую по праву гордился. Собрание книг семьи делла Торре считалось одним из самых богатых не только в Милане, но и во всей Италии. В основу его легла знаменитая библиотека Карла Великого – покровителя наук и ученых. Увы, внуки императора Запада не обладали ни тягой к знаниям, ни стремлением к миру и развалили созданное им государство. Все начинания Карла были заброшены, а любовно собранная биб-

⁸ Котта – верхняя мужская туника, безрукавная либо с широкими короткими рукавами. Для знати обычно шилась из дорогих тканей ярких цветов. Надевалась на камизу и обязательно подпоясывалась.

лиотека пылилась в дворцовых подвалах. Спустя двести лет предок Паоло, граф Федерико делла Торре, выкупил собрание за огромные деньги. В каждом поколении семьи делла Торре был хотя бы один рыцарь, предпочитавший книгу мечу, поэтому библиотека бережно сохранялась и приумножалась. Здесь были труды великих греческих и римских философов, пространные трактаты ученых и множество богословских фолиантов. А за потайной дверцей прятались запрещенные книги пера демонологов, колдунов и чернокнижников.

Сейчас несколько толстых пыльных томов аккуратной стопкой высились на широком массивном столе. Стоявший рядом Руджеро при появлении графа снова переломился в низком поклоне. «Надо сказать ему, чтобы не выказывал подобострастие так явно, – поморщившись, подумал Паоло. – Когда-нибудь он станет частью семьи делла Торре».

Когда-нибудь, но не теперь. Даже если он узнает, как обращать людей в стриксов, с изменением придется погодить. Во время собственной инициации он убил двадцать пять человек. Страшно подумать, что может натворить терзаемый голодом гигант Луиджи. Нет, прежде чем плодить детей ночи, нужно понять, как обузывать их жажду крови.

Паоло уселся за стол, чернокнижник услужливо подвинул фолиант, заранее раскрытый на нужной странице.

– «Сочинение аббата Джакомо Рилло о нежити кровососущей – носферату и о средствах убиения ее», – пояснил

Руджеро.

Граф углубился в чтение. В этом труде подробно описывались виды стриксов, их повадки, места обитания. Автор утверждал, что принимал участие в охоте на них, и рассказывал о ритуалах, помогающих убить или изгнать стрикса. Чем дальше читал Паоло, тем большее изумление вызывал у него этот трактат.

– Хм. Скажи, Руджеро, а что, дикие розы и шиповник в самом деле могут остановить стрикса?

– Пока я знаком лишь с теорией, мой господин, – тонко усмехнулся колдун, – но это утверждение представляется мне спорным. Не думаю, что обычные цветы могут как-то навредить слуге самого Зверя. Разве что уколут палец?

– А чеснок? Почему именно он?

– Автор предполагает, что дело в обостренном нюхе, коим обладают стриксы. Якобы запах чеснока слишком ядрен для их чувствительных носов, потому и вызывает гибель. Но мне кажется, это просто миф, придуманный для успокоения черни. Мол, обвешивайте жилище чесноком, и стриксы вам не страшны. Впрочем, если мой господин желает сам удостовериться в безвредности или вреде всех этих растений, стоит только обратиться ко мне. И я согласен испытать их действие на себе.

– Позже, – бросил Паоло, возвращаясь к трактату. – А это что за нелепость? Лошади, рассыпанное просо, девственницы... при чем здесь они? Зачем ты дал мне эту глупую кни-

гу?

– Но аббат Рилло считается одним из основоположников современной науки о стриксах.

Пожав плечами, граф перелистнул несколько страниц и вслух прочел:

– «Самый надежный способ убиения живущих во тьме. Если в селении или городе завелся стрикс, следует отыскать его убежище. Днем носферату спят в своих гробах, а гробы сии прячут в местах укромных. Идти в берлогу стрикса следует только днем, ибо свет божий губителен для тварей ночи. Открыв гроб, пронзи острым осиновым колом самое сердце носферату, затем, отрубив голову, набей рот ее чесноком и брось в текучую воду. Тело же разрежь на мелкие куски и зарой в разных местах, на освященной земле. На каждом захоронении посади дикие розы или шиповник, политые святой водой»... Руджеро, но это чудовищно! Поистине самый страшный монстр – человек. Кстати, что скажешь об осине?

– Не думаю, что это дерево отличается особыми свойствами. Осина знаменита лишь тем, что на ней якобы повесился Иуда. Не вижу, как сие обстоятельство может влиять на стриксов.

– Что же тогда для них смертельно? Разумеется, кроме распятия, молитвы, действие которых я ощутил на себе, и описанного многомудрым аббатом способа? Хотел бы я посмотреть на того, кто выживет после такого глумления...

– Я могу только предполагать, господин. Но склоняюсь в

пользу серебра. Как ученый, вы знаете, что этот удивительный металл обладает чудесными свойствами – к примеру, предохраняет воду от загнивания и делает ее целебной для ран. Потому во все времена и у всех народов серебро считалось священным. Скорее всего, именно оно способно нанести стриксу вред.

– Допустим. Какие еще труды достойны внимания?

– Вот писание какого-то безымянного монаха – «Причины становления стриксом».

Паоло пробежался взглядом по ровным строкам, выведенным мелким, бисерным почерком. Чем дальше он читал, тем недоуменнее становилось выражение его лица.

«Есть много причин становления стриксом, уместно же поделить их на три вида: действия и события, произошедшие при жизни, действия и события, произошедшие после смерти и врожденные предрасположения. Вид первый. Кто грешно живет, не соблюдая заповеди Божьи, тот может стать стриксом. Священники, изменившие вере, тоже превращаются в ночную нежить. Стриксизм может одолеть человека, словно порча, если он наслан колдуном или чернокнижником. Нельзя есть мясо животных, коих зарезал волк, – сие кратчайший путь к обращению в тварь ночную...»

– Что за несуразица? – бормотал Паоло.

«... Вид второй. Убивший себя, тем самым презревший запрет Господа, прощен не будет во веки веков и непременно станет стриксом. Также может восстать и сосать кровь людей

утопленник или убитый душегубом. Неотмщенное убийство – частая причина того, что покойник, жаждущий мести, становится носферату и бродит по земле в поисках обидчика. Если кто обкрадет мертвеца, то мертвец тот тоже не упокоится, а превратится в тварь ночную. Становятся стриксами те, чье тело не захоронено подобающим образом, по христианскому обычаю и в освященной земле. А если через гроб с покойником перепрыгнет животное или упадет на него тень, то обращение неизбежно. Главная же причина становления кровососущей нежитью – смерть от клыков стрикса...»

Усмехнувшись, Паоло пролистал чуть дальше.

«Вид третий. Предрасположения врожденные или приобретенные в материнской утробе. Есть младенцы, уже во чреве матери ставшие оскверненными, обреченные быть стриксами. Если зачаты в святой праздник, когда благочестивым христианам положено молиться и славить Господа, а не предаваться плотскому греху. Если рождены в святой праздник, тем самым оскверняя его грязью женского лона. Также опасности стать носферату подвержен седьмой сын седьмого сына отца своего... – Граф даже крикнул, пытаясь понять логику витиеватой фразы. – Если младенец умер, не будучи окрещенным, он превратится в нежить. Подвержены стриксизму дети, слишком рано отнятые от материнской груди или вскормленные чужою женщиною. Следует помнить, что плод в утробе беззащитен и уязвим для воздействия нечисти. Посему женщина во время беременности не должна выходить

из дома, блюдя себя и свое дитя от дурного глаза, и кушать как можно больше соленой пищи. Соль не любезна нечисти. А если, будучи на сносях, увидит мать стрикса, то и младенец родится стриксом. Отличить обычное дитя от носферату трудно, иной раз невозможно. Но случается, что сущность проявляет себя с рождения, и тогда на свет появляются поистине ужасные уродцы. Хвост, зубы, лишние соски, волосы на теле, красные родинки, заячья губа – суть приметы стрикса. Младенцев с такими признаками следует сразу после рождения нести к священнику, дабы провел обряд крещения. В храме Божьем отродье умрет в корчах, не выдержав силы креста. Тело такого ребенка надлежит сжечь, а пепел бросить в текучую воду...»

Паоло с досадой отбросил книгу, придвинул новую. Но и из нее не сумел почерпнуть ничего полезного. Некий Антонио Бенцони, священник из Генуи, утверждал, что у стриксов нет души, что они – потомки Иуды и что у них мертвое сердце. Граф приложил руку к груди, ощутил биение, более медленное, чем при жизни, но ровное и уверенное. Сердце работало. Бросив последний взгляд на пергаментную страницу, Паоло ощутил прилив бешенства. «Стрикса легко узнать по главному признаку: он не отражается в зеркале», – гласила книга.

– В этой писанине есть хоть слово правды? – отшвырнув фолиант, спросил Паоло. – К чему все эти трактаты, если они не дают мне знаний?

Руджеро виновато склонил голову в знак сожаления, как бы подчеркивая свое раскаяние. Но граф успел заметить сверкнувшие в его глазах огоньки торжества. Мгновенно поняв его замысел, Паоло стремительно вскочил и схватил чернокнижника за горло. Неотрывно глядя в перепуганное побледневшее лицо, прошипел:

– Ты нарочно подобрал самые глупые книги?

– Нет... нет... – проблеял объятый ужасом колдун. – Это и правда все книги, которые были в библиотеке...

– Но ты все равно был рад, что в них собраны лишь никчемные мифы? Почему не предупредил меня сразу? Зачем отнял мое время? Для того чтобы дать мне возможность сравнить книжные сказки с твоими познаниями? – Паоло улыбнулся, и зубы его удлинились, превращаясь в острые клыки.

– Простите, господин! – Руджеро не мог оторвать глаз от хищного оскала. – Я должен был сразу сказать: ответы на ваши вопросы следует искать не в трактатах о стриксах, а в богословских и философских книгах...

– Никогда. Не пытайся. Обмануть меня, – произнес граф. – Не пробуй даже немного схитрить. Не забыл ли ты, кто твой господин? Я читаю в твоей душе, как в этих книгах.

Колдун лишь трясся, не в силах ничего ответить. По щекам его текли слезы, из горла рвался полузадушенный хрип. Паоло разжал пальцы:

– Я прощаю тебя. В первый и последний раз.

– Как вы великодушны, мой господин! – возопил обретший голос Руджеро, потирая худую шею, на которой багровели ровные полосы.

– Но ты должен понести наказание, – добавил граф. – Где зеркало, которое я приказывал принести в библиотеку?

Чернокнижник бросился в угол и вернулся с отполированным до блеска серебряным кругом, поднес Паоло. Тот взглянул в сияющие чистотой глубины:

– Встань рядом со мною. Смотри!

Вопреки его ожиданиям, Руджеро не закричал и не упал без чувств. Трепеща от восторга, он жадно впился взглядом в зеркало. Тонкие губы растянулись в бессознательной улыбке восхищения, ноздри нервно трепетали, а в глазах стояли слезы.

– Что ты видишь? – спросил Паоло, несколько удивленный восторгом колдуна.

– Я вижу... отражение вашей души, господин, – прошептал Руджеро. – Души, посвященной Зверю...

Позже, отправив прощенного чернокнижника прочь, граф сидел в библиотеке, предаваясь размышлениям. Он сразу поверил словам Руджеро и удивлялся только тому, что сам не догадался, кто смотрит на него из серебряного круга. Ведь всем известно: зеркала связаны с потусторонним миром и могут отражать призраков, порождать странные видения. Так почему бы им не показать душу стрикса? Снова и снова Паоло подходил к зеркалу и вглядывался в искажен-

ную поверхность, отражавшую жуткое существо. Так вот какова теперь его душа...

А книги – книги врут. Ни один из тех, кто брался писать о стриксах, не встречался с детьми ночи. Паоло рассеянно погладил чистый лист пергамента, ощущая приятную шероховатость. Он сам напишет трактат, настоящий, исследующий суть явления. Окунув перо в чернильницу, он вывел: «Дети ночи. Труд графа Паоло делла Торре, стрикса, обращенного каиновым проклятием. При переходе от сущности человеческой к сущности стрикса в человеке неизбежно свершаются перемены. Тело становится сильнее, крепче, делается неподверженным болезни и смерти. Но главная метаморфоза происходит с душой. Лишенная искры Божьей, посвященная Зверю, душа претерпевает необратимое изменение».

Еще раз взглянув в зеркало, Паоло написал: **«Первый закон детей ночи: суть обращения есть искажение души».**

Глава 3

Владивосток, ноябрь 2009 года

– Подпишите, – следователь подвинула Сергею бумаги. – А теперь не для протокола. Что вы делали ночью на месте преступления? Зачем вообще туда отправились?

День выдался не самый удачный. Как, впрочем, и ночь. После той дикой перестрелки Сергей долго отвечал на вопросы милиционеров, которые к самой разборке не успели, приехали, когда все затихло. Наутро его вызвали к следователю, в Первомайский РОВД.

Едва рассвело, Сергей вышел на улицу, чтобы самому осмотреть место происшествия. Походил туда-сюда, заглянул за угол дома. На асфальте, перед самым подъездом, расплылись темные пятна, сейчас выглядевшие вполне безобидно. Патроны и стреляные гильзы, конечно, подобрали милиционеры. Сергей и сам не знал, что хочет найти. Остановившись, он задумался, бросил случайный взгляд на окна своей квартиры и увидел на стене ржавое пятно. Кровь? Но откуда? Неряшливая клякса находилась чуть ниже Дашиного окна. Залезть на стену физически невозможно. Разве что кто-то спускался с крыши на веревке или тросе. Сергей так и не смог объяснить себе происхождение пятна, но на сердце почему-то стало еще тяжелей.

Потом он провел пару часов в Первомайском РОВД. А

вечером Сергея «порадовали» вызовом в Пушкинский, где Свириденко долго и дотошно допрашивала его как свидетеля. И конечно, она не могла не поинтересоваться, с какой целью он приехал на место преступления.

Сергей открыл было рот, но Александра Михайловна перебила:

– Вопрос, конечно, риторический. Можете сколько угодно утверждать, что отправились туда под влиянием момента, хотели почтить память погибшей. Сочувствую вашему горю, Сергей Владимирович. Но хочу предупредить: не нужно вмешиваться в ход следствия. Вы больше здесь не работаете, и ваши действия можно квалифицировать как воспрепятствование производству расследования. – Поправив очки, Свириденко неохотно добавила: – Тем более что дело скоро будет передано в суд.

Сергей кивнул. Он и не сомневался.

– Так или иначе благодарю за помощь в поимке преступника. До...

В коридоре раздались раздраженные голоса, потом дверь с грохотом распахнулась и в кабинет ворвался очень сердитый человек. На вид ему было лет шестьдесят. Невысокий, коренастый, мощный, он, несмотря на солидный возраст, двигался легко и энергично. Коротко стриженные, абсолютно седые волосы были воинственно вздыблены, водянисто-голубые глаза смотрели негодуя. Грубоватое лицо выражало крайнюю степень недовольства. Правую бровь и

скулу мужчины рассекал широкий кривоватый шрам, начавшийся с середины лба. Человек был одет в утепленный камуфляжный костюм, на ногах – тяжелые, плотно зашнурованные солдатские ботинки. Два милиционера, маячившие за его спиной, тщетно пытались ухватить пришельца за куртку. Он досадливо отмахнулся и громко протопал к столу следователя, при ходьбе заметно припадая на левую ногу.

Решив, что перед ним то ли разозленный уголовник, то ли просто скандалист, Сергей привстал и приготовился дать отпор. Но Свириденко осталась спокойной, лишь мученически закатила глаза и тяжело вздохнула:

– Кто его впустил?

– Что, Саша, – ничуть не смутившись таким приемом, пробасил седой, – все не веришь? Очевидного не признаешь?

– Николай Григорьевич, мне некогда. Вы шли бы домой, – неожиданно мягко проговорила Свириденко.

– Зна-а-а-ю! – Мужчина погрозил пальцем. – По телевизору видел! Он снова убивает! Они убивают! А вы бумажки пишете да разговоры разговариваете! На кого в этот раз убийства повесите?

Следователь кивнула милиционерам, нерешительно топтавшимся у двери. Те подошли, мягко взяли Николая Григорьевича под локти:

– Пройдемте. Не надо шуметь!

– А, – мужчина резко дернул плечами, освобождаясь, –

бесполезно! Ладно, черт с вами. Оставайтесь. Больше ни слова не скажу.

Раздраженно оттолкнув милиционеров, которые даже не ответили на такую грубость, седой похромал к выходу.

Заметив изумленный взгляд Сергея, Александра Михайловна сочла возможным пояснить:

– Бывший сотрудник, Харитонов. Вы его не помните. Это в конце девяностых было. Хороший был опер. Но сошел с ума.

Безумие седого ничуть не трогало Сергея, но на всякий случай он изобразил сочувствие. Однако следующие слова Свириденко сбили с него равнодушие:

– У него убили жену и дочь. Ну, психика и не выдержала. Вообразил, что ищет какое-то сверхъестественное существо, ударился в мистику. В общем, попросили его из органов. Долго он не появлялся, а в последние два месяца зачастил. Наши его жалеют. Вот сегодня опять пропустили. – Александра Михайловна поднялась из-за стола, по-мужски протянула руку: – До свидания, Сергей Владимирович. Надеюсь, вы меня поняли.

Сергей молча пожал сухую горячую ладонь и вышел.

На улице совсем стемнело. Под фонарем, нервно покуривая, топтался Харитонов. Сергей хотел пройти мимо, но его словно кто-то подтолкнул к этому странному человеку.

– Вас подвезти? – спросил он.

– Что? А, нет, я на колесах, – рассеянно ответил мужчина,

указывая на стоявшую на противоположной стороне улицы машину.

Это действительно были колеса – огромные, высоченные, как у КамАЗа. Харитонов ездил на тюнингованном внедорожнике «ниссан сафари», из тех, что используются в гонках по пересеченной местности.

Пора было идти, но Сергей почему-то медлил. Дело в том, что не похож был этот человек на сумасшедшего. Хотя бы автомобиль этот... кто даст права шизофренику? Ему хотелось спросить напрямик: «Вы знаете, кто убивает девушек?» Но он медлил, не зная, какотреагирует Харитонов на такой вопрос от незнакомого человека.

– Вампиры, – вдруг произнес тот, словно подслушав его мысли. – Всех убивают вампиры.

Он поднял глаза, и Сергей увидел: взгляд Николая Григорьевича пуст, тосклив и безумен. Захотелось распрощаться и уйти, пока у несчастного не начался новый приступ. Свириденко была права.

– Ты ведь тоже по этому делу? – спросил Харитонов. – Что ж молчишь? Не веришь? Ну молчи. Но если вдруг немоготу станет... – Он достал из кармана блокнот и ручку, вырвал листок, быстро нацарапал номер телефона. – Звони, в общем.

Хлопнув Сергея на прощание по плечу, Николай Григорьевич не спеша побрел к машине.

Сергей медленно вел субарик по Океанскому проспекту.

Не доезжая до автобусной остановки, притормозил, и в машину плюхнулся недовольный Вовка.

– Холодно, – пожаловался друг, зябко дыша на замерзшие ладони.

– Рассказывай, – вместо сочувствия мрачно потребовал Сергей.

– Анализы из лаборатории пришли, – неохотно отозвался Вовка.

– И что там?

– Короче, Серега, дело и правда скоро в суд передадут. Там все ясно. Следы на шее – от клыков животного, предположительно очень крупной собаки – это еще в заключении эксперта было. На коже обнаружены следы собачьей слюны. Так что все логично.

– А кровь? Слитая кровь?

– Ну мало ли зачем бомж это сделал? Он же псих конченный. Весь изолятор заколебал, факофф, своими молитвами. На допросах дурью мается: то убивал он, то не убивал.

– А ты сам как думаешь? – напрямую спросил Сергей.

– Не знаю. Чего ты от меня хочешь, Серега? Были там некоторые странности, в заключении экспертов. – Немного помявшись, Вовка достал из кармана сложенные вчетверо листки. – Черт с тобой, на вот. Откопировал полностью, вместе с результатами анализов – знал, что попросишь.

Сергей подвез друга домой, развернулся и поехал обратно. Он собирался найти убийцу, а для этого – повторить путь

следствия с самого начала.

Поставив машину так, чтобы видеть вход в клуб и парковку возле него, Сергей взглянул на часы. Семь тридцать восемь. «Колизей» открывается в девять, времени еще много.

Он развернул бледненькие копии, принялся продираться сквозь нагромождение медицинских и биологических терминов. В крови Алисы эксперты не обнаружили никаких наркотических веществ. Содержание алкоголя было незначительным. На коже и мышечных волокнах обнаружена слюна плотоядного животного. Эксперты сделали осторожную оговорку: «предположительно собаки». Так, а вот и первая странность: говоря попросту, выходило, что в слюне содержится вещество со сложным названием, понижающее свертываемость крови (эксперты упомянули, что подобное, только в меньшей концентрации, имеется в слюне некоторых видов южноамериканских летучих мышей), а также аналог кетамина.

– Кетамин, кетамин... – пробормотал Сергей. – Что-то знакомое...

Он вспомнил, что в бытность свою оперативником как-то выезжал на задержание парня, устроившего резню на дискотеке. Потом выяснилось, что мальчишка сидел на калипсоле – сильном анестетике с галлюциногенным действием. Химическое название – кетамин.

– И что же это получается? – вслух сказал Сергей. – Пес, накачанный наркотой? Пес – летучая мышь?

Вроде бы кетамин применялся в ветеринарии. Но разве станет бомж водить свою собаку по врачам? А уж наличие второго вещества вообще никаким объяснениям не поддавалось. Подумав, Сергей вытянул из кармана телефон:

– Володь, а труп собаки эксперты уже осмотрели? В лабораторию передали?

– Нет еще, – сонно ответил друг, – в общем-то это уже пустая формальность. Все равно убийства на деда повесят. Есть подозреваемый, есть мотив, орудие убийства и вещественное доказательство. Чего еще надо? На какие-то анализы никто и не посмотрит.

Заручившись обещанием Вовки скопировать новый отчет экспертов, Сергей отключил телефон. Площадка перед клубом оставалась пустой. Внутри он заходить не рискнул: в таких местах трепетно заботятся о репутации заведения и на вопросы человека «с улицы» отвечать не станут. Так что Сергей рассчитывал перехватить кого-нибудь на входе – желательно фейсконтрольщика.

Без четверти девять к «Колизею» подъехала машина. Сергей вышел из субарика, перебежал улицу и успел перехватить у самого входа в клуб белобрысого парня лет двадцати пяти.

– Вы работаете на фейсконтроле?

– Да, – коротко ответил парень, делая попытку обойти Сергея.

Но тот заступил дорогу, предъявляя раскрытое удостове-

рение:

– Милиция. У меня к вам несколько вопросов.

– Просроченное, – едва взглянув, равнодушно буркнул парень.

Действительно, корочки были устаревшими, да еще и числились утерянными.

– А если так? – Сергей сунул руку в карман за бумажником.

Пухлощекое лицо презрительно скривилось, в голосе прозвучала агрессия:

– Даже не думай. Охрану вызову.

Сергей покосился на вход: над дверью располагалась камера слежения.

– Не знаю, откуда ты, – бросил фейсконтрольщик, – но вали, пока цел.

– Послушай. Это моя девушка, – глухо произнес Сергей, достав из кармана фото Алисы. – Мы собирались пожениться.

Лицо парня немного смягчилось:

– Понятно... Сочувствую. Но я действительно ничем не могу помочь, так и милиции сказал.

– То есть ты вообще ее не помнишь?

– Помню. Красивая девушка. Пришла с подругами.

– А ушла?

– Не по... – начал было фейсконтрольщик, но осекся, немного помолчал и вдруг произнес: – С парнем ушла.

Сказал – и удивленно вытаращился на собеседника, словно сам не понимал, что за шутки откалывает его память.

– Что за парень? Как выглядел? – быстро спросил Сергей, ощущая, как гулко забилося сердце.

– Я обходил зал, – медленно, видимо с трудом заставляя себя вспомнить, заговорил фейсконтрольщик. – И видел твою девушку. Она сидела с ним... – И опять замолчал.

– Что было дальше? – мягко проговорил Сергей.

– Когда основной поток гостей спадает, я на входе не стою. Если кто-то приходит, охранник вызывает меня по рации. Вот он и вызвал. Я пропустил двух человек... И как раз тогда девушка вышла с ним...

– С кем?

Выражение лица фейсконтрольщика вдруг из сосредоточенного сделалось рассеянным, напомнив Сергею о Леночке и Ирине. Он уже догадывался, что услышит.

– Не знаю, – фейсконтрольщик даже потряс головой, будто надеясь таким образом привести в порядок мысли. – Это очень странно... но я не помню. Девушку помню, ее подруг, последних гостей. А его... как будто стерлось из головы. Я даже не помнил, что он был. Неожиданно всплыло. Извини... – Он развел руками. – Мне пора.

Сергей даже не попытался войти в клуб, чтобы побеседовать с официантами или барменом. Ясно было, что разговаривать с ним никто не станет. И еще появилась уверенность: кто-то очень тщательно поработал со свидетелями,

чудесным образом вызвав у них избирательную амнезию. И все же слова фейсконтрольщика подтвердили его догадку: Алиса ушла из «Колизея» не одна. И теперь становилось понятно, как девушка оказалась на Маяке. Ее туда привезли. Чтобы убить. Почему она согласилась уйти из клуба? Может быть, была знакома с этим человеком? А возможно, находилась под влиянием то ли гипноза, то ли еще какого-то воздействия на сознание. В любом случае корни истории нужно было искать в клубе.

Сергей снова набрал номер Вовки.

– Ну что еще? – простонал друг. – Сколько можно меня будить?

– Володь, а записи камер наблюдения в «Колизее» изъясали?

– Нет, факофф, тебя ждали, – огрызнулся Вовка.

– И что?

– Да жесткий у них удачно погорел. Буквально за день до того, как наши пришли. Восстановлению не подлежал, администрация его списала и выкинула.

– Ясно...

Сергей повернул ключ в замке зажигания. Возможно, и не сгорел жесткий диск. Даже наверняка не сгорел. Тут снова сработала забота о репутации. Мало ли что могли бы разглядеть на записи оперативники? Например, пушеров, продающих посетителям амфетамины, или какого-нибудь депутата в непотребном виде.

Он вел машину по вечернему городу, размышляя о том, что еще можно предпринять. Возможно, парень, упомянутый фейсконтрольщиком – и есть убийца. Хотя он может оказаться и обычным искателем эротических приключений. Познакомился с девчонкой, завез ее на Маяк, получил отказ, высадил из машины и уехал. Дальше – все согласно милицейской версии. Бомж увидел одинокую девушку, натравил на нее своего пса, потом обобрал труп. Похоже на правду, если бы не странное поведение свидетелей и исчезновение записей камер наблюдения. Кто-то очень старался сбить с толку следствие. Кстати, и бомж ведь упоминал о каком-то звере... конечно, это похоже на проявление белой горячки. Но если он и вправду видел убийцу и испугался? Или его запугали, чтобы взял вину на себя?

Чем дальше Сергей думал, тем больше утверждался в мысли: ему необходимо поговорить с бомжом. Только вот как это устроить, если тот сидит в изоляторе?

Поставив машину на стоянку, Сергей зашел в домик охранников: пришло время заплатить за следующий месяц. В тесной комнатке было тепло, пахло чаем и колбасой. В углу ненавязчиво бубнил маленький телевизор, приткнувшийся на обшарпанной тумбочке. Шли местные новости. Охранник – молодой парень в камуфляже – взял деньги, присел к столу, чтобы заполнить квитанцию.

– А сейчас криминальные новости, – произнес голос диктора. – Экстренное сообщение. Час назад в самом центре

Владивостока, на печально известной Миллионке, был обнаружен труп девушки. Наши корреспонденты выехали на место происшествия...

Сергей уставился в маленький экран, на котором мелькали жуткие кадры: обшарпанные трущобы, запутанные переходы, переулок шириной не больше полуметра, заканчивающийся тупиком. И распростертое в нем тело – совсем юная черноволосая девушка в темной одежде. Мертвые глаза широко раскрыты, на лице застыла гримаса ужаса, кровавое месиво вместо шеи...

– Наш источник в органах заявил, что девушка, возможно, стала жертвой серийного убийцы, – проговорил голос за кадром.

Над городом вставал тусклый рассвет, лучи холодного солнца с трудом пробивали себе дорогу сквозь густой туман и падали на землю обесцвеченными. Все вокруг было серым: замусоренный асфальт, подернутые тонким ледком лужи, клочья грязноватой дымки, будничная немаркая одежда спешащих на работу людей. Даже лица прохожих в льющемся с неба бледном свете тоже казались мрачными и нездоровыми. На этом унылом фоне маленькая девочка-китаянка в нежно-голубом пальтишке и алом берете выглядела, как единственный цветной кадр в черно-белом кино.

На вид малышке было лет восемь. Улыбаясь чему-то своему, она шла по улице Морских Героев навстречу потоку лю-

дей, направлявшихся к стоянкам и автобусным остановкам. Две тонкие черные косички, торчавшие из-под берета, смешно подпрыгивали при каждом шаге. За плечами девочки висел украшенный пестрой картинкой темный рюкзак, слишком большой и громоздкий. Но судя по легкости движений ребенка, вес ноши был невелик.

Китаянка подошла к длинной пятиэтажке и скрылась за дверью первого подъезда. Если бы в этот момент ее увидел кто-нибудь из прохожих, он очень удивился бы разительным переменам, произошедшим в малышке. Рассеянная добродушная улыбка сменилась выражением холодной сосредоточенности, движения сделались точными и стремительными. Оглядевшись, девочка побежала вверх по лестнице со скоростью, которой мог позавидовать олимпийский чемпион по легкой атлетике. В считанные секунды добравшись до площадки верхнего этажа, ребенок ловко вскарабкался по металлической лестнице, ведущей на чердак. На люке висел амбарный замок. Осмотрев его, малышка усмехнулась, с силой сжала в ладони – дужка треснула и развалилась пополам. Бесшумно сняв сломанный замок, китаянка откинула крышку люка, зашвырнула наверх рюкзак и одним прыжком взметнулась на чердак. Оказавшись в крошечной будке, тихо опустила крышку. Сбросила пальто, оставшись в тонком черном костюме, раскрыла рюкзак и извлекла снайперскую винтовку «немезис» и пистолет «вальтер».

Быстро собрав винтовку, девочка выбралась из будки,

прошлась, выбирая удобное место, и улеглась на самый край промерзшей, обдуваемой ледяным ноябрьским ветром крыши, положив возле руки пистолет. Отсюда отлично просматривалась вся дорога, по которой должен был двигаться объект. Замерев в абсолютной неподвижности, девочка разглядывала в перекрестье прицела проходящих внизу людей. Она приготовилась к долгому ожиданию: приказ мастера должен быть выполнен любой ценой.

Прошло десять минут... полчаса... час... Китайка не шевелилась, неотрывно глядя на дорогу. Эта сосредоточенность и сыграла с нею злую шутку, когда из чердачной будки бесшумно выбрался высокий парень в спортивной одежде. Он вскинул пистолет: раздался щелчок выстрела. Малышка покатилась по крыше, но ее реакция запоздала на какие-то доли секунды. Девочка гортанно вскрикнула: пуля ударила в бедро, засев в кости и причиняя невыносимую муку. Несмотря на боль, китайка совершала чудеса акробатики, уходя от выстрелов противника, одновременно умудряясь отстреливаться из «вальтера». Парень, напротив, стоял на одном месте, лишь поворачиваясь за метавшейся китайкой. Боль обнажила ее истинную суть: черты лица поплыли, изменяясь, приобретая все большее сходство с мордой какого-то зверька. Нос задрался пятачком, рот растянулся и превратился в оскаленную пасть, из которой торчали мелкие, но острые желтоватые зубы. Из глаз излилось желтое свечение, постепенно охватившее всю фигуру ребенка. Мерзко заве-

решав, существо отшвырнуло пистолет и прыгнуло на парня, выставив перед собой руки со стремительно вырастающими черными когтями. Выстрел прервал этот длинный звериный прыжок. Китайка сложилась пополам, словно переломилась в поясе, и рухнула под ноги противнику. Тот немного посмотрел на извивающееся червеи худенькое тельце, расстегнул куртку, под которой оказались прикрепленные к поясу ножи. Вытащив из них тяжелый, серебристо посверкивающий мачете, одним движением отрубил девочке голову. Поднял за косички, любовался гримасами звериной морды, потом сунул голову в рюкзак и коснулся кончиками пальцев висевшей на ухе гарнитуры:

– Объект восемь. Препятствие устранено. И передайте шефу: киан-ши используют «кукол».

Выслушав ответ, принялся за уборку. Спустя час разобранная снайперская винтовка, одежда и расчлененное тело китайки тоже отправились в раздувшийся баул. На крыше остались лишь лужи бледной крови.

Закрыв рюкзак, парень огляделся, удовлетворенно кивнул, подхватил его и полез на чердак.

Даша проспала и опоздала на первую пару. Вчерашние события оказались для нее серьезным испытанием: сначала незамутненная радость от внимания Дениса, потом странные китайцы в кафе, следом перестрелка на улице, которую она даже не слышала. Бледное лицо брата, когда он схватил ее в

охапку, то, как они прятались в коридоре... Это было очень страшно. На какое-то мгновение Даше показалось, что началась война, и теперь они все время будут прятаться, скрываться, защищать свои жизни от неведомого врага. Потом приезд милиции, Сергей, сосредоточенный, сердитый, отвечающий на вопросы...

Девушке казалось, что в эту ночь она ни за что не уснет. Но едва голова ее коснулась подушки, она забылась глубоким сном без сновидений. С утра Сергей почему-то не разбудил ее, а будильник на телефоне она установить забыла.

Посмотрев на часы, Даша решила, что еще успеет ко второй паре. Быстро собралась и выбежала из дома. К ее изумлению, у подъезда стояла знакомая синяя «целика».

– Привет, – просто сказал Денис, выходя из автомобиля и распахивая перед Дашей дверцу, – долго же ты спишь! Я уже звонить тебе собирался.

«Что ты здесь делаешь?» – хотела спросить девушка, усевшись в машину. Но постеснялась. Ей показалось вдруг, это прозвучит грубо и нарушит то невидимое, неосознаваемое, трепетное, что, она чувствовала, зарождается между ними. Денис сам ответил на невысказанный вопрос:

– Мы вчера как-то сумбурно расстались, ты была чем-то напугана. Вот я и решил: лучше будет тебя довезти до университета. Заодно и узнаю, что с тобой случилось.

Даша упрямо мотнула головой, вспоминать происшедшее не хотелось. Тем более она и не знала, что рассказывать, по-

дозревая: повествование о сумасшедших китайцах прозвучит... неубедительно. Вдруг Денис подумает, она все сочиняет, чтобы заинтересовать его своей персоной? Или решит: азиаты просто хотели познакомиться, а она повела себя как истеричка? Мало ли, вдруг так оно и было? Даша не имела опыта случайных знакомств, но не хотела выглядеть совсем уж несведущей. А про перестрелку и вовсе говорить не стоило: получился бы пересказ дешевого боевика.

– Ну как хочешь, – произнес Денис, правильно истолковав ее молчание. – Может быть, потом...

Он включил магнитолу, и салон заполнили звуки «Маленькой ночной серенады».

– Люблю классику. А ты?

Даша кивнула, поражаясь сходству их вкусов. Моцарт был ее любимым композитором. Правда, она никогда об этом не говорила своим одноклассникам, по горькому опыту, вынесенному из школы, зная, что ее сочтут «ботаником» или «выпендрейшей». А вот Денис не стеснялся заявлять о своих предпочтениях. Он вообще был сильным, уверенным и необыкновенным. Самым лучшим.

В молчании они доехали до универа. Денис припарковал машину. Даша дернула дверь и выскочила первой.

– Ты куда? – удивился Денис. – Подожди меня.

Девушка замялась, не зная, как объяснить: не нужно им появляться вместе.

– Погоди. – Денис обошел машину, остановился напротив

Даши, заглянул в глаза. — Ты что, стесняешься меня?

Девушка едва не расплакалась. Стесняться его? Да она себя стеснялась! При мысли о том, как взглянет на нее Яна, становилось не по себе. А что дальше? Денис поцелует Яну и тут же забудет о Дашином существовании. И она будет обречена на притворно-сочувственные взгляды и скрытые насмешки. Поделом: замарашкам не стоит зариться на капитанов, это вам не кино. Нет уж, лучше войти одной, сделать вид, что ничего не было. Сесть в уголке и постараться не замечать самую популярную парочку курса.

— Даша. — Денис осторожно прикоснулся к ее щеке, отвел в сторону прядь русых волос. — Посмотри на меня. Ну пожалуйста!

Она подняла глаза, с трудом сдерживая слезы, и встретила с бархатным, теплым взглядом Дениса.

— Запомни. Ты не должна ничего стесняться. Не должна обращать внимания на окружающих. Слушайся только себя, делай то, что считаешь нужным. Ты умная, красивая, необыкновенная девушка. Поняла?

Такие вроде бы простые, незамысловатые слова. Но от них стало тепло на сердце, а в душе поселилось спокойствие. Даша улыбнулась и кивнула.

— Ну вот и хорошо. А теперь пойдем. Вместе.

Держась за руки, они вошли в университет. Оба так заняты были друг другом, что не заметили, как у обочины припарковался черный «паджеро». Сидевший за рулем Иван не

спешил выходить из машины, внимательно наблюдая за каждым движением парочки, ловя каждый взгляд. И лишь когда Денис с Дашей скрылись в здании, Иван распахнул дверцу...

Второй парой была практика по математике, группа уже собралась в небольшой аудитории. Появление Даши и Дениса произвело ожидаемый эффект: все взгляды устремились на них.

Разойдись они каждый к своему месту – и внимание группы тут же переключилось бы на что-нибудь другое. Но Денис, не выпуская Дашиной руки, прошел к ее столу и уселся рядом с нею. Это обеспечило парочке всеобщий интерес. Парни глазели на них, мысленно гадая, что нашел Денис в такой неяркой, незаметной девчонке, и тут же весьма цинично отвечая себе на этот вопрос. Девушки же все как одна смотрели на Яну: им было интересно, как отреагирует она.

Яна сумела выдержать удар – ни жестом, ни взглядом не выказала изумления и горечи. Постепенно взгляды переместились с нее на Дашу, которая опускала глаза, краснела, бледнела и мечтала превратиться в невидимку. Но одновременно в душе девушки зрело чувство гордости и протеста: Денис – с нею, вот что главное. И считает ее умной, красивой, необыкновенной. Так что ей за дело до остальных? Пусть идут к черту со своим любопытством. Да, именно так. К черту всех! Даша подняла глаза и обвела аудиторию вызывающим взглядом.

– Молодец, – защекотал ухо шепот Дениса.

Он приобнял Дашу и легко коснулся губами виска. Этот нежный, почти невесомый поцелуй словно обжег кожу, бросил в жар, огненной струйкой побежал по позвоночнику, вызывая сладкую истому во всем теле.

И вдруг – резкий, как боль, укол страха. Даша встретила взглядом с Иваном, который только вошел и, стоя у двери, наблюдал за нею и Денисом. В его желтых глазах горела настоящая ненависть, тонкие губы кривились в презрительной усмешке. Заметив, что девушка смотрит на него, Иван отвел взгляд и двинулся между рядами к своему месту, рядом с Женечкой.

– Котенок мой! – завопила она и, выскочив из-за стола, бросилась парню на шею.

Иван, поморщившись, без охоты чмокнул девушку и почти силой оторвал ее от себя. В этот момент слегка растянутый ворот свитера грубой вязки сдвинулся, открыв странной формы шрам на шее. Бросив вокруг подозрительный взгляд, словно желая понять – видел ли кто-нибудь, Иван быстро поправил свитер. Он давно уже прошел мимо, а Даша все не могла справиться с приступом страха и каким-то недобрым предчувствием.

Но скоро все прошло. Сидящий рядом Денис, его внимание, ласковый взгляд, мягкая улыбка заставили забыть о неприятном моменте. Захваченная новыми чувствами и ощущениями, она не услышала ни слова из того, что говорил преподаватель, и не заметила, как кончилась пара. Спроси

потом кто-нибудь у Даши, по какому предмету было занятие, она вряд ли сумела бы ответить.

Перемена в обществе Дениса вообще пролетела, как одно мгновение. Кажется, они о чем-то говорили и даже смеялись. А потом сидели рядом на лекции в поточной аудитории и шептались, и это было так волнительно... Никогда в жизни Даше не было настолько хорошо, спокойно и радостно. Она словно пребывала в удивительном сне, плыла на облаке мечты. И очнулась, только когда в радужный хрупкий мирок грубо ворвалась жестокая реальность. В середине пары у преподавателя зазвонил сотовый. Извинившись, она взяла трубку. Разговор длился всего несколько секунд.

– Уважаемые студенты, занятие окончено, – произнесла преподаватель. – Сейчас прошу всю группу спокойно, без шума встать, покинуть аудиторию, спуститься по боковой лестнице и выйти на улицу. Еще раз напоминаю: соблюдайте спокойствие. На ближайшие два дня учеба отменяется. Потом старосты будут оповещены о начале занятий.

Несмотря на собственный призыв, преподаватель заметно нервничала, то и дело прикладывая руку к горлу, как будто задыхалась.

– Не бойся, я с тобой, – шепнул Денис, поднимаясь и подавая Даше руку.

– А я и не боюсь, – беспечно ответила она, тем не менее ощущая, как где-то в глубине души просыпается неясное беспокойство.

Они подождали, пока передние ряды покинут аудиторию, и двинулись к выходу. Студенты, обрадованные отменой занятий, оживленно переговаривались, гадая, что же произошло. И только в коридоре Даша осознала, что ее тревожило: она нигде не видела Ивана. Почему ее вдруг это взволновало, девушка понять не могла. Но вид Женечки, которая шла в одиночестве, вызывал смутный страх.

По узкой лестнице двигался плотный поток. Не было ни паники, ни давки: студенты и преподаватели спокойно покидали корпус. Тем не менее народу было много. Денис крепко держал Дашу за руку, следя, чтобы ее никто не толкнул.

– Надоело уже, – пренебрежительно фыркнула шедшая за ними старшекурсница. – Каждый год одни и те же звонки: в здании заложено взрывное устройство...

– На этот раз не устройство, а ртуть, – поправила ее подруга.

– Какая разница?

– Большая вообще-то. Бомбы еще ни разу не нашли. А ртуть действительно есть. Я сама видела. На лестнице шарики рассыпаны...

– Надо же быть такими идио... ай, не толкайся! – взвизгнула старшекурсница.

В толпе произошло волнение. Раздались недовольные возгласы и ругань. Какой-то парень в свободной мешковатой куртке с капюшоном, низко надвинутым так, что не видно было лица, быстро бежал вниз по лестнице, бесцеремонно

распикивая студентов. Пробегая мимо Дениса, он на секунду замешкался, потом рванулся дальше, с удвоенной силой работая локтями. Денис дернулся, глухо вскрикнул и прислонился к стене. Его колотила дрожь, лицо стремительно бледнело, губы сделались белыми.

– Что с тобой? – испуганно спрашивала Даша, стараясь поддержать его.

Денис только стонал, зажимая рукой левый бок, и медленно съезжая по стене. «Сердечный приступ», – решила девушка, судорожно роясь в сумке в поисках телефона.

– Сейчас, сейчас, потерпи, я «скорую»...

– Не надо... «скорой»... – с трудом проговорил Денис, – долго...

– Ой, что это с ним? – Рядом остановилась Томочка. – Отравился? Надо на воздух...

– Возьми... мой телефон... – Голос Дениса становился все тише. Он скосил глаза, показывая на нагрудный карман куртки. – Отец... отцу позвони... он все сделает... клавиша два...

Даша дрожащей рукой выудила дорогую трубку, нажала быстрый набор.

– Алло, – ответил холодный голос.

Девушка, стараясь не паниковать, вкратце рассказала, что у Дениса какой-то приступ, и объяснила, где их найти.

– Оставайтесь на месте. – Голос Ладимирского-старшего был по-прежнему холоден и спокоен. – Сейчас буду.

– Помоги спуститься, – прошептал Денис.

Вдвоем с Томочкой они подхватили парня под руки и свели на площадку. Денис опустился на пол, привалился к стене и закрыл глаза. Дыхание его стало неровным и прерывистым, в уголке губ показалась капелька крови. Обессилев, он оторвал руку от левого бока, и Даша увидела, что его ладонь окрашена красным. Денис был ранен!

– Убили!!! – заверещала Томочка, вцепившись обеими руками в пухлые щеки. – Ой-ой, убили!!!

Опустившись на колени, Даша неотрывно смотрела в его лицо, искаженное болью, но все равно красивое и уже родное. Закусив губы, чтобы не плакать, повторяла про себя: «Пусть с ним все будет хорошо! Ну пожалуйста, пусть все будет хорошо! Я не могу его потерять...» Страх потери, живший в ее подсознании с самого детства, вырвался из плена, мутными волнами заливая душу.

Томочка металась рядом, не зная, чем помочь, но и не решаясь оставить студентов. Она так громко завывала, что Даше пришлось на нее прикрикнуть. В ответ лаборантка икнула, хрюкнула и лишилась чувств, упав прямо на лестнице. Даше ничуть не было ее жалко. Напротив, девушка даже ощутила облегчение оттого, что над головой больше никто не орал.

Все студенты покинули корпус, и лестница опустела. Когда на ней появился худощавый черноволосый человек в сером кашемировом пальто, Даше казалось, прошла уже це-

лая вечность. Но взглянув на часы, она поняла, что ожидание длилось всего двадцать минут. Ладимирский-старший, пачкая дорогой костюм, опустился на колени рядом с сыном. Томочка, не приходя в себя, приняла на лестнице более эффектную позу. Но, поняв, что никто не обращает на нее внимания, встала и принялась отряхивать юбку.

– Он ранен, – сказала Даша. – Вы привезли врача?

– Я сам врач, – ответил отец, осторожно ощупывая левый бок Дениса. – Ребята, поднимайте.

Только сейчас девушка заметила стоящих чуть ниже по лестнице двух мужчин с носилками. Они быстро поднялись, ловко переложили Дениса и понесли. Даша двинулась следом.

– Все будет в порядке, – отрывисто произнес Ладимирский-старший, похлопав ее по плечу. – Спасибо, девушка. Езжайте домой. И вам спасибо, – кивнул он Томочке. Вопреки ожиданиям Даши, лаборантка, ничего не сказав, послушно начала спускаться по лестнице.

– Папа... – едва слышно прошептал Денис, – это Даша...

Мужчина остановился, посмотрел Даше в глаза. У него был острый, словно испытующий взгляд. На мгновение ей стало неудобно, но тут отец Дениса улыбнулся и сказал:

– Спасибо вам.

На этот раз благодарность прозвучала более тепло и искренне.

– Вы можете поехать с нами, Даша. Если вам так будет

спокойней, – добавил мужчина.

– Да. Да, конечно. – Она просто не в силах была оставить Дениса. Страшно представить, что придется ехать домой и сидеть там, мучаясь неизвестностью. Ей необходимо было находиться рядом, точно знать, что он спасен.

На улице стоял большой японский микроавтобус. Шофер распахнул заднюю дверь, медбратья ловко вкатили носилки в машину. Даша заметила, что внутри микроавтобус оборудован под реанимобиль.

– Вы поезжайте с моим водителем, – коротко распорядился отец Дениса, усаживаясь рядом с сыном.

Микроавтобус сорвался с места и полетел по Океанскому проспекту, лавируя в потоке машин. А к Даше мягко подкатился белый «лексус».

– Прошу, – вежливо произнес водитель, выходя из машины и открывая перед девушкой дверцу.

Даша уселась и всю дорогу смотрела в одну точку, нервно тиская сумку и продолжая молиться о том, чтобы Дениса спасли. Оглянись она назад, может быть, сумела бы заметить, что припаркованные неподалеку два черных джипа медленно тронулись и на почтительном расстоянии последовали за «лексусом». Впрочем, вряд ли девушка придала бы этому значение.

Машина выехала за город, свернула с трассы на узкую дорогу, проходящую через сосновый парк и наконец остановилась перед белоснежным двухэтажным зданием современ-

ной постройке.

Вывеска над широким крыльцом гласила: «В ладу с миром. Семейная клиника».

– Сюда, – сказал водитель.

Даша вслед за ним взбежала по мраморным ступеням и вошла в просторный холл. Здесь водитель сдал ее с рук на руки симпатичной приветливой медсестре в кокетливом розовом халатике.

– Вы не волнуйтесь, – сразу заговорила та, ведя Дашу по широкому светлому коридору, – Рэм Петрович – высококлассный хирург, профессор медицины. Правда, он сейчас отошел от дел клиники, занимается политикой. Но сына будет оперировать сам. Дениса уже готовят к операции. А вам придется подождать здесь...

Она провела девушку в роскошно обставленное помещение, в котором ничто не напоминало о больнице. Широкий письменный стол у панорамного окна, тяжелые книжные шкафы, белые кожаные диваны, шелковый ковер на полу, вазоны с деревьями в углах, на стене – картины и необычные часы в переливающемся хрустальном корпусе. Пахло свежестью, зеленым чаем и – совсем чуть-чуть – мужским парфюмом.

– Кабинет Рэма Петровича, – пояснила медсестра. – Устраивайтесь. Чай, кофе? Может быть, хотите перекусить? У нас пекут очень вкусные булочки.

Даша отрицательно помотала головой: о еде и думать не

хотелось. Улыбнувшись на прощание, медсестра ушла.

Наступило время тягостного ожидания. Девушка посидела на диване, потом встала и принялась мерить шагами кабинет, то и дело взглядывая на циферблат настенных часов. Минуты текли невыносимо медленно. Ей казалось, что минула целая вечность, а стрелки будто застыли на месте. В таких метаниях прошел час, другой. Даша подошла к сияющему чистотой окну, взглянула вниз, на окружающий клинику парк, ровные, посыпанные песком тропинки, по которым неспешно прогуливались люди – то ли пациенты, то ли просто отдыхающие.

– Прекрасный вид, правда?

Даша вздрогнула от неожиданности и обернулась: в дверях стоял Рэм Петрович – усталый, но спокойный и улыбающийся. На нем был хирургический костюм, на шее болталась маска – видно, профессор прошел в кабинет прямо из операционной.

– Все хорошо, Дашенька, – произнес он, встретив молящий, полный надежды взгляд девушки. – Операция прошла успешно.

– Можно к нему?

Даша почувствовала, как глаза наполняются слезами, но уже ничего не могла с этим поделать: накопившееся напряжение требовало выхода.

– Он сейчас спит. – Рэм Петрович взял девушку под руку, усадил на диван. – Ну хватит, хватит, милая. Все закон-

чилось.

Даша судорожно рылась в сумке в поисках салфеток. Профессор галантно подал ей белоснежный шелковый носовой платок.

– Успокаивайтесь, а я пока схожу переоденусь.

Он вышел и вскоре вернулся уже в безупречном деловом костюме.

– А не перекусить ли нам, а, Дашенька? Обязательно надо перекусить!

Он подошел к столу, нажал на кнопку селектора.

– Оля, сообрази нам что-нибудь... – Рэм Петрович выразительно помахал рукой, словно неведомая Оля могла увидеть его жест.

Очевидно, служащие клиники привыкли понимать не только жесты, но и интонации профессора: спустя несколько минут в кабинет впорхнула уже знакомая Даше медсестра с подносом в руках и принялась расставлять на столе кофейник, чашки и тарелки с закусками.

– Угощайтесь, – радушно предложил Рэм Петрович. – И, пожалуй, нам с вами сейчас это необходимо...

Он достал из шкафа изящный хрустальный графин и два широких бокала. Увидев коньяк, Даша попыталась было отказать.

– Не считайте меня чудовищем, способным спаивать ребенка, – рассмеялся профессор, плеснув на дно бокала совсем немного. – Это Реми Мартен, Луи Тринадцатый – бо-

жественный напиток. Он успокоит вас и придаст сил.

Даша поднесла к губам бокал, вдохнула насыщенный аромат, пригубила, и ей действительно показалось, что медленно разливающееся по телу приятное тепло освежает и успокаивает.

– А ведь я заочно знаком с вами, Дашенька, – говорил между тем Рэм Петрович, придвигая девушке тарелки с сыром, икрой и пирожными. – Да-да, наслышан...

Стараясь разрядить напряжение, профессор нарочно не упоминал о случившемся, развлекая девушку беседой:

– Денис о вас на днях рассказывал. Нет, ничего такого, не подумайте... Но у него нет секретов от нас с матерью. Он воспитан в доверии. Единственный ребенок, знаете ли. Нас немного беспокоила эта его дружба с Яной.

– А почему? – искренне удивилась Даша.

– Нет, мы с женой ничего не имеем против Яны. Она часто бывала у нас. Очаровательная, очень милая девушка. Дело в самом Денисе: он как-то легкомысленно относился к Яне. Мне это не нравилось. Возможно, я излишне требователен к сыну, но считаю, что мужчина должен отвечать за свои поступки. И за женщину, которая рядом с ним. А вот о вас он говорил совершенно по-другому, Даша. Восхищался вашими рисунками, познаниями в искусстве... Он искренне увлечен, поверьте...

Тепло коньяка, уют кабинета, мягкий баритон Рэма Петровича и его доброжелательный взгляд словно стирали из ду-

ши все переживания этого сумасшедшего дня, утешали, убаюкивали... Борясь с дремотой, девушка слушала профессора:

– ...операция прошла удачно. Кстати, это наша семейная клиника. Я открыл ее десять лет назад, и здесь работают лучшие врачи города. Но за эти годы многое изменилось. Я занялся государственной службой. Сейчас клиникой управляет моя жена. Вы скоро с нею познакомитесь. Я еще не сообщил ей о случившемся с Денисом. Даже не знаю, как об этом сказать. Анастасия – разумная женщина, но только не тогда, когда речь идет о ее ребенке...

Голос профессора обволакивал, звучал плавно и успокаивающе. Вдруг Рэм Петрович подался вперед, требовательно заглянул ей в глаза и жестко произнес:

– Вы видели того, кто это сделал?

– Нет, – вздрогнув от неожиданности, ответила Даша, – на нем был капюшон, и я не разглядела лица.

Еще несколько мгновений профессор продолжал сверлить ее взглядом, будто пытался по глазам определить правдивость ответа. Потом устало потер ладонями лицо, вздохнул:

– Простите, Дашенька. Сорвался. Дениса ранили заточкой. Знаете, что это такое? Оружие бандитов. Тот человек воткнул ему в левый бок шило и обломал рукоять, оставив кусок металла в ране.

– Как это? – поразились девушка.

– Очевидно, она была заранее подпилена. Денису несказанно повезло: ударь убийца сантиметром выше, и спасти его было бы невозможно. Понимаете, я – не последний человек в городе, и у меня немало врагов. Возможно, кто-то решил таким образом со мной покончить. Конечно, я разберусь в этом, но мне требуется время. Поэтому прошу вас: не говорите никому о случившемся. И не будем впутывать сюда милицию.

Девушку несколько задели эти слова: что же получается, репутация ему важнее, чем единственный сын? Но Рэм Петрович пояснил:

– Прежде всего я забочусь о безопасности Дениса. Поверьте, Даша: так будет лучше.

Голос его звучал столь убедительно, что Даша согласилась, пообещав никому ничего не рассказывать.

– А теперь езжайте домой, Дашенька. Время позднее, Денис все равно еще долго будет приходить в себя, а вам надо отдохнуть, – сказал профессор. – Я отправлю с вами водителя.

Девушка взглянула на часы и удивилась: десять часов. Теперь время летело стремительным потоком, и она не заметила, как наступил вечер.

Сидя в машине, Даша вспоминала разговор с отцом Дениса. Ей было немного совестно, как будто она слукавила, обманула профессора. Но девушка отдавала себе отчет: лучше промолчать, чем высказаться необдуманно, тем самым

рискуя подставить под удар невинного. Ведь она и правда не видела лица преступника. Она снова и снова прокручивала в памяти момент нападения, пыталась припомнить все детали: стремительные и одновременно плавные движения убийцы, его рост, телосложение, поворот головы... Этот человек был очень похож на новичка, Ивана Таркова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.